

27-28

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ДЕКАБРЬ-ЯНВАРЬ
2004/05

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

АМЕРИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ СЛЕДУЕТ РЕШЕНИЯМ МОСКОВСКОГО СОБОРА 1917-18 ГГ.

Эксклюзивное интервью газете «Кифа»
митрополита Вашингтонского, всея Америки и Канады Германа

«Кифа»: Ваше Блаженство, Православная церковь в Америке (ПЦА) в своей жизни реализует положения Поместного собора 1917-18 гг. В России рецепция решений этого Собора идет с трудом. Как Вы видите, что из опыта ПЦА мы могли бы воспринять для того, чтобы этот процесс в России был более успешным?

Митрополит Герман: Лично я мало знаком с подробностями деяний Московского собора 1917-18 гг. Я знаю, что в Русской церкви идет некоторый пересмотр, связанный с размышлениями над деяниями этого Собора. Постепенно, наверное, будет ясно: как плодотворно применить в современных условиях историческое наследие Русской церкви, в том числе и этого Собора. Я всецело полагаюсь на мудрость святейшего патриарха Алексия и тех, кто является его помощниками и сподвижниками. Конечно, есть, наверное, очень много разных взглядов и мнений в Русской церкви, как и в любой церкви, но я лично полностью сочувствую патриарху Алексию и поддерживаю его в его водительстве Русской церковью.

Американская церковь живет в соответствии с духом и решениями Московского Собора и смогла провести в жизнь многие положения этого Собора, например, это касается соучастия всей церкви в регулярно созываемых поместных соборах, когда архиереи являются как бы высшей палатой, а духовенство и миряне - делегатами. В Американской церкви этот принцип действует нормально и регулярно.

«Кифа»: Труды отцов Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа хорошо известны и любимы в России. Их имена связаны с тем движением в богословии и практике современного Православия, которое получило название евхаристического возрождения. Остается ли евхаристическое возрождение источником вдохновения для прихожан ПЦА, или теперь это только история или, может быть, что-то еще?

Митрополит Герман: Евхаристическое возрождение крайне необходимо и Американской церкви, и Русской, и вообще для всей Церкви Евхаристия является источником Ее жизни. Через покаяние и очищение от грехов мы приступаем к Евхаристии, которая находится в центре церковной жизни и церковного служения, миссии церкви. Что касается Америки, для нас очень большая радость, когда мы видим, что очень и очень многие люди сознательно приступают к Чаше, к причащению. Каждый раз, посещая Россию, мы видим то же самое и в ней - многие приступают к Чаше, и нас радует эта евхаристическая жизнь, это евхаристичес-

кое возрождение.

«Кифа»: Сейчас Русская православная церковь (РПЦ) и Русская православная церковь за рубежом (РПЦЗ) проводят переговоры об объединении. Не могут ли эти переговоры стать многосторонними, другими словами, имеет ли возможность ПЦА принять участие в этих переговорах?

Митрополит Герман: Конечно, мы в курсе того, что идут переговоры по примирению РПЦ и РПЦЗ, но в прямом смысле мы не участвуем в этом процессе. И это понятно, потому что на сегодняшний день переговоры между РПЦ и РПЦЗ являются переговорами в какой-то предварительной стадии, они еще должны друг с другом познакомиться, должны понять друг друга, обсудить темы, которые их тревожат и которые до сих пор их разделяли. Хотя мы в прямом смысле, конечно, не участвуем в этих переговорах, но и святейший патриарх Алексий, и высокопреосвященный митрополит Лавр держат нас в курсе происходящего. В силу того, что Зарубежная церковь все эти годы живет в отделении, в расколе с Русской церковью, естественно, что процесс примирения дол-

гола будет действенным и плодотворным. Наверное, этот процесс все же займет какое-то время, может быть, он не будет таким быстрым, как казалось год назад, но в свое время этот процесс будет завершен.

«Кифа»: Объявлено, что в течение 2 лет евхаристическое общение между РПЦ и РПЦЗ будет восстановлено. Восстановится ли евхаристическое общение между ПЦА и РПЦЗ?

Митрополит Герман: Конечно, есть большое желание у многих людей, чтобы было восстановлено евхаристическое общение, и мы надеемся, что в свое время это произойдет. Я убежден, что когда это будет осуществлено между РПЦ и РПЦЗ, естественно, будет евхаристическое общение и с другими церквями. Конечно, я считаю, что проблема евхаристического общения между нами с Божьей помощью, с Божьим водительством разрешится, как показывает опыт церкви.

«Кифа»: Американская церковь основана миссионерами. Каково сейчас место миссии в жизни вашей церкви?

Митрополит Герман: Мне думает-

Митрополит Вашингтонский и всея Америки и Канады Герман, редактор газеты «Кифа» Александр Буров, протоиерей Леонид Кишковский

жен быть в первую очередь между Зарубежной церковью и Русской церковью. Я убежден, что когда этот процесс переговоров будет завершаться и когда уже придут к конкретным решениям, тогда, конечно, нашу Американскую церковь пригласят на конечном этапе сопутствовать этому процессу. Мы всегда молимся о единстве церкви, мы молимся и надеемся, что процесс примирения и преодоления рас-

ся, мы живем в духе этого миссионерского импульса, стараемся, конечно, проповедовать Евангелие, церковную веру. И нужно отметить, что в нашей церкви очень много конвертитов - многие семинаристы, многие священники пришли в православие именно из неправославного общества, неправославной среды. Это плоды миссионерства.

Беседовал Александр БУРОВ

В НОМЕРЕ:

Пути православия на Западе

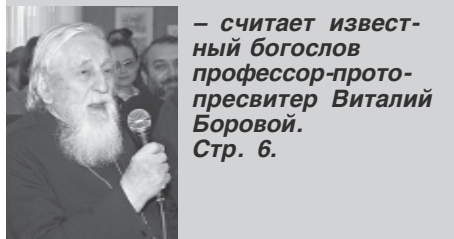
О непростых отношениях Московского патриархата и Русско-го Экзархата Константинопольского патриархата читайте на стр. 2-3.

Зачем нужны православные СМИ?

Об итогах фестиваля «Вера и Слово» размышляют его организаторы и участники. Стр. 4-5.

«Нам предстоит новая поствладимирская христианизация страны»,

- считает известный богослов профессор-протопресвитер Виталий Боровой. Стр. 6.

Христианская миссия в посткоммунистических странах и движение к Всеправославному Собору.

О направлениях жизни всемирного православного братства Синдесмос рассказывает его президент Христофор Д'Алоизио. Стр. 8.

«Я консерватор до мозга костей»

Интервью с московской писательницей Майей Кучерской читайте на

стр. 11, а на стр. 12 - ее ранее не публиковавшийся рассказ специально для читателей газеты «Кифа».

Архиепископ Команский
Гавриил (де Вильдер),
Управляющий приходами русской
традиции Вселенского патриархата

Епархиальный совет Архиепископии в своем нынешнем составе начал работу более шести месяцев назад. Это время позволило Совету понять трудности, с которыми сталкивается Архиепископия, и определить стоящие перед ней задачи.

В течение этого периода жизнь нашей Архиепископии была сильно потревожена посланием от 1 апреля 2003 года, подписанным Патриархом Московским Алексием II, в котором поставлен вопрос о том, каким путем можно достичь создания единой местной Церкви в наших странах, и указано, что к этому следует идти путем объединения созданных в русской эмиграции церковных образований и их присоединения к Московскому Патриархату. Возникают и разные другие вопросы.

В итоге всего этого периода и, принимая во внимание мнения, высказанные на недавнем Пастырском собрании Архиепископии, созванном Архиепископом Гавриилом 1 ноября в Париже в Свято-Сергиевском богословском институте, члены Епархиального совета Архиепископии считают необходимым поделиться важнейшими размышлениями, которые возникли в процессе дискуссии, и определить задачи, встающие теперь перед всеми нами.

Мы хотим оставаться верными:

— Видению Церкви, Тела Христова, как места, где каждый человек, во грехе пребывающий, возрождается к Жизни Церкви, не обусловленной никакими институтами этого мира — ни политическими, ни национальными, ни историческими, но той Церкви, которая есть «новая жизнь во Христе, движимая Духом Святым».

— Русской православной традиции, которой свойственна любовь к истовой богослужебной жизни, а также универсалистский и миссионерский дух, позволяющий ей отличать главное от второстепенного. Это дает Церкви возможность быть созвучной реалиям постоянно меняющегося мира. Наша Архиепископия — это одно из немногих церковных образований, которое живет по традиции, следующей постановлением Московского Собора 1917-1918 гг. Это касается как богослужебной практики, так и канонической и административной организации нашей епархии. Эту традицию мы восприняли от наших отцов и верующих, в первую очередь, от основателя нашего церковного удела, митрополита Евлогия, и мы глубоко к ней привязаны.

— Учению о сущности Церкви, так, как оно было сформулировано богословской школой Свято-Сергиевского института, церковным видением о. Сергия Булгакова и экклесиологией о. Николая Афанасьева, продолженными и актуализированными о. Александром Шмеманом: полнота Церкви проявляется в Божественной Евхаристии, всюду, где она совершается — «за жизнь мира»; единство Церкви — и, неразрывно, единство и само

ПРЕДЛОЖЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ НЕПРИЕМЛЕМЫ

Заявление Епархиального Совета Архиепископии
Православных церквей русской традиции
в Западной Европе

существование каждого из нас — исполняется и сохраняется приобщением Телу и Крови Христовым.

— Миссионерскому призванию русской эмиграции, о котором говорили самые выдающиеся ее представители, в том числе митрополит Владимир, который уже в 1949 г. призывал «думать [...] об укоренении Православия на Западе. [...] Господь призывает нас, в каждой стране [...] воздвигать Церковь Истины в истинной вере». Также и многие другие призывали русских, изгнанных со своей родины, осознать свое призвание: блюсти и развивать жизнь Церкви, служить тому, чтобы она излучала Истину, прививать ее ростки во всех тех землях, где они нашли себе убежище.

жения и сотрудничества со Святой Церковью Российской. Мы всегда по мере сил помогали ей и продолжаем делать это, в частности с помощью организаций, основанных и руководимых членами Архиепископии (об этом свидетельствуют такие организации, как «Помощь верующим в СССР», ныне «АСЕР-Russie», издательство «УМСА-Press», радио «Голос Православия», епархиальный Комитет гуманитарной помощи приходам в России и недавно организованная помощь детям Беслана). Мы внимательно следим за процессом, который имеет целью восстановление евхаристического общения между Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью. Однако, в отличие от Зару-

Иконостас храма РСХД в Париже

Эта верность предполагает и открытость к реалиям того мира, в котором мы живем. Ситуация, в которой мы находимся, ставит перед нашей Церковью следующие задачи:

— Первостепенно важно содействовать единству всех православных общин на одной и той же территории — этого непременно требует наша вера и проповедь Евангелия Христова. Мы рады отметить, что Его Святейшество Патриарх Московский Алексий II осознает всю серьезность проблемы канонической организации православия в странах Западной Европы. Мы надеемся, что предстоятели других Церквей также почувствуют себя озабоченными этой проблемой, и очень хотели бы, чтобы все они проявили попечение не только о своих собственных чадах в Западной Европе, но и обо всем православном народе, живущем в наших странах. Поэтому мы со всей ответственностью обращаемся к предстоятелям автокефальных Церквей и, особенно, к первому среди них по чести, Его Святейшеству Патриарху Вселенскому Варфоломею I, прося, чтобы был возобновлен всеправославный предсоборный процесс, в рамках которого эта проблема должна быть разрешена, с учетом мнения православных епископов, живущих на Западе, и вверенного им народа Божьего.

— Архиепископия намеревается беречь и крепить всегда хранимые в сердцах верующих особые связи любви, ува-

жения ныне покойного Архиепископа Сергия по своей собственной инициативе, не вступая в сношение по этому поводу ни с одной из руководящих инстанций Архиепископии, вели переговоры, приведшие к разработке проекта устава «автономной митрополии» Западной Европы в юрисдикции Московского Патриархата, в которой растворилась бы Архиепископия. После внезапной кончины Владыки Сергия избрание Архиепископа Гавриила — значительным большинством голосов — было неправильно воспринято как изменение курса Архиепископии. Со своей стороны, Высокопреосвященный Архиепископ Гавриил пытался вступить в диалог с Московской Патриархией. Он написал письмо Его Святейшеству Патриарху Алексию II, лично встречался с представителями Патриархии, но делу не было дано хода. Хотя через десять дней после своего избрания Высокопреосвященный Архиепископ Гавриил письменно заверил Святейшего Патриарха Московского в том, что он готов начать диалог о будущем Архиепископии и о ее связях с Московским Патриархатом, основываясь на принципах православной экклесиологии и в общении со всеми другими православными епископами, чьи кафедры находятся на той же территории.

— Храня верность русской традиции и следуя православной экклесиологии, которая основывается на территориальном принципе Церкви, выявляемой в определенном месте, Архиепископия призывает к созданию на территории наших стран единой местной Церкви. Еще в 1949 году члены Общего собрания Архиепископии сознавали это. Будучи эмигрантами, они питали надежду на то, что «наступит, по милости Божией, день, когда все мы сможем вернуться в освобожденную Россию и слиться там с нашей Родной Церковью», так как для них, как, собственно, и для нас, Русская Церковь — это, естественно, Церковь, находящаяся в России (ср. 1 Кор 1:2, и др.). Но, в то же время, они были озабочены созданием местной Церкви здесь, на Западе, для тех, кто навсегда останется в приютивших их странах. О том же вновь писали в 1966 году наши отцы и учителя в вере, отвергая всякую возможность возврата в Московский Патриархат: «К тому же, — и это самое существенное — если бы даже в России положение Церкви было нормальным, позиция Архиепископии этим не была бы изменена. [...] Действительно, со временем Архиепископия стала местной и многонациональной Церковью, которая, впрочем, изначально находилась и находится вне территориальных и канонических границ каких-либо автокефальных Церквей, включая и Московскую Патриархию».

— Для нас, как и для наших предшественников, сосуществование разных юрисдикций на одной и той же территории никак не может быть оправдано, так как это решительно противоречит территориальной экклесиологии (исходя, в частности, и из 34-го Апостольского правила). Также не может быть оправдано и требование, предъявляемое разными автокефальными Церквами, о прямой подчиненности им по национальному признаку всех, кто рассеяны по странам Западной Европы или в любой иной части света. Такая прямая подчиненность может лишь способствовать наслоению юрисдикций и укреплять его. Нынешняя ситуация — это только этап, порожденный нашей историей, и она со временем должна быть преодолена при содействии всех епархий других Патриархатов, находящихся в наших странах. Эти экклесиологические предпосылки делают неприемлемыми предложения, выдвигаемые Московской Патриархией. В самом деле, создание единой местной Церкви в наших странах должно осуществляться при тщательном соблюдении канонов и, естественно, в соответствии с территориальным принципом устройства Церкви. А, конечно же, юрисдикция Московского Патриархата не распространяется на нашу территорию. То же относится и к другим поместным Церквам.

Париж, 9 декабря 2004 г.

Приводится в сокращении. Полный текст: Русская мысль № 46, 16-22 декабря 2004г.

АРХИЕПИСКОПИЯ ДОЛЖНА ВЕРНУТЬСЯ ПОД ЮРИСДИКЦИЮ МОСКВЫ

Из журналов заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 24 декабря 2004 года

24 декабря 2004 г. состоялось заседание Священного Синода Русской православной церкви. Ниже мы публикуем выдержки одного из журналов его работы - ЖУРНАЛА № 92.

СЛУШАЛИ:

Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей, о взаимоотношениях с Экзархатом русских православных приходов в Западной Европе (Константинопольский Патриархат).

Справка:

На состоявшемся 17 ноября 2004 года заседании Совета архиепископии православных русских приходов в Западной Европе были приняты основные тезисы обращения к клирикам и мирянам архиепископии. Позднее, 9 декабря 2004 года, заявление от имени Совета архиепископии было подписано и затем размещено в средствах массовой информации. Данное заявление может рассматриваться как официальный ответ на представленные ранее предложения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Наряду с утверждениями, что авторы заявления хотят оставаться верными русской православной традиции, «беречь и крепить всегда хранимые в сердцах верующих особые связи любви, уважения и сотрудничества со Святой Церковью Российской», а также положительной оценкой того факта, что «Его Святейшество Патриарх Московский Алексий II осознает всю серьезность проблемы канонической организации православия в странах Западной Европы», и призывом к возобновлению всеправославного предсоборного процесса, в рамках которого проблема западноевропейской православной диаспоры должна быть решена, в заявлении говорится, что послание Его Святейшества от 1 апреля 2003 года, «в котором поставлен вопрос о том, каким путем можно достичь создания единой местной Церкви в наших странах», сильно потревожило жизнь архиепископии. В заявлении содержатся заверения, что Преосвященный архиепископ Гавриил «готов начать диалог о будущем архиепископии и ее связях с Московским Патриархатом». Однако далее недвусмысленно сказано, что авторы заявления считают «неприемлемыми предложения, выдвигаемые Московской Патриархией». Более того, члены Совета архиепископии утверждают, что их «отцы и учителя в вере» отвергли «всякую возможность возврата в Московский Патриархат». При этом заявление совершенно умалчивает о том, что выход русских православных приходов в Западной Европе из юрисдикции Русской Православной Церкви изначально мыслился и Священноначалием Константинопольского Патриархата, и непосредственным духовным на-

частьством данных приходов лишь как временная мера, вынужденная политическими обстоятельствами.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Вновь подтверждая приверженность Русской Православной Церкви тому видению путей устройства церковной жизни русского рассеяния в странах Западной Европы, которое было изложено в Послании Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 1 апреля 2003 года, выразить сожаление в связи с «Заявлением Епархиального совета Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе» от 9 декабря 2004 года, свидетельствующим о фактическом отказе нынешнего руководства Экзархата от духовного наследия Преосвященного митрополита Евлогия и иных деятелей русской церковной эмиграции в Западной Европе, почитавших себя чадами Матери Русской Церкви, не прекращавших своего единения с нею и прервавших свое пребывание в канонической юрисдикции Патриархата лишь временно, в связи с известными политическими обстоятельствами.

Особенно печально, что такое заявление сделано в то самое время, когда многие тысячи православных верующих из России, Белоруссии, Украины, Молдавии и других стран, являющихся чадами Русской Православной Церкви и не желающих прерывать общения с нею, оказались в Западной Европе и хотели бы устроить свою церковную жизнь, пользоваться пастырским руководством.

Засвидетельствовать, что Русская Православная Церковь не откажется от своей паствы, пребывающей за пределами отечества, и от той ответственности, которую Господь возложил на Московский Патриархат в деле духовного окормления этой части народа Божия.

2. Выразить озабоченность в связи с теми необоснованными порицаниями, которые, согласно поступающим сообщениям, звучат со стороны руководства Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе в адрес тех клириков и мирян, которые желали бы возвращения к более тесным отношениям с Матерью Русской Православной Церковью.

3. Признать необоснованными и недействительными канонические прещения, налагаемые на клириков лишь за открыто исповедуемое ими желание следовать линии Преосвященного митрополита Евлогия, заявлявшего о своем намерении вернуться в юрисдикцию Русской Православной Церкви, как только восстановятся нормальные условия ее жизни, и делом подтвердившего истинность своих слов.

Печатается с сокращениями по: <http://www.mospat.ru>

«МЫ ВЕДЕМ ДИАЛОГ С ОДНОЙ ЧАСТЬЮ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ»

16 ноября 2004 года в Москве в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя состоялась совместная пресс-конференция министра культуры РФ А.С. Соколова и Управляющего делами Московской патриархии митрополита Калужского и Боровского Климента (Капалина). Один из вопросов касался культурного и богословского диалога с русским зарубежьем. Частично ответ митр. Климента затрагивает освещаемую нами на этих страницах тему.

«Кифа»: Уважаемый Александр Сергеевич, Ваше высокопреосвященство, весной, участвуя в визите Н.А. Струве в Томск, на его встречах с интеллигенцией и семинаристами я могла воочию убедиться, насколько важно наследие русской эмиграции для нашего народа. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы культурного и церковного диалога с представителями Русского Зарубежья?

Митрополит Климент: Что касается моей части вопроса, то я скажу, что Русское Зарубежье в религиозном плане неоднородно. Есть в Париже своя группа, которая подчиняется Константинополю. Есть в Америке православная церковь, которая, в основном, состоит из русской эмиграции. Есть Русская Церковь За рубежом с центрами в Нью-Йорке и Джорданвилле. С этой частью сейчас у нас идет перспективный разговор. Насколько мы сможем сблизиться, сейчас трудно сказать. Мы должны учитывать, что семьдесят лет разделения сказались на ментальности людей. Они и мы по-разному понимаем какие-то вопросы. Как раз сегодня на открытии фестиваля были представители Русской Зарубежной Церкви, приехавшие на следующий раунд переговоров для выяснения различных разделяющих нас вопросов. В принципе, причины, которые они выдвигают как препятствия для единения, давно устранены. Давно нет советской власти, здесь сидят люди, которым по двадцать лет, они даже не знают уже, что такое советская власть. Время быстро идет, и мы удаляемся от того периода, когда церковь испытывала определенные трудности. В то же время им трудно понять, почему церковь тогда ничего не предпринимала. Но церковь предпринимала попытки защищать свои позиции, однако все мы знаем, какая была обстановка: не только церковь, но и пресса не могла слова сказать - свободная пресса, как у нас тогда считалась. Церковь говорила: совершала службы, проповедовала, но было ограничение - за пределами храма проповедовать нельзя. И самое главное - сознание людей не принимало церковь, люди не принимали церковь, потому что пропагандистская машина создала материалистическую ментальность у советского человека. Сейчас все поменялось, это ушло в прошлое, в историю, тех причин для разделения нет. Процесс диалога начался, и мы надеемся на его успешное завершение, но этот диалог идет только с одной частью русской диаспоры.

«АРХИЕПИСКОПИЯ ВСЕГДА СТАРАЛАСЬ ПРИЙТИ НА ПОМОЩЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ...»

Мы публикуем выдержки из недавно появившегося в печати Заявления Совета Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе. Оно содержит отклик на решения декабрьского заседания Священного Синода Московского Патриархата.

Совет сожалеет, что Московская Патриархия по-прежнему предпочитает судить о ситуации в Архиепископии, глядя на нее лишь через узкую призму представлений определенной ассоциации с весьма ограниченным влиянием и не учитывая весь комплекс настроений, которые проявляются и продолжают проявляться в рамках Архиепископии... совершенно неоправданными являются обвинения в «необоснованных порицаниях», которые мы якобы выражали тем клирикам и мирянам, которые «желали бы возвращения к более тесным отношениям с Матерью Русской Православной Церковью»: здесь речь идет о неверной информации, полученной без предварительной проверки и не содержащей ни одного примера, ни одного конкретного имени или факта. То же самое можно сказать и об указаниях на канонические запрещения, которые якобы налагались на клириков "за открыто исповедуемое ими желание следовать линии Преосвященного митрополита Евлогия", "линии", принятой в конкретных исторических условиях 1945 г., т.е. более полувека назад, и о успешном и непродуманном характере которой сам блаженной памяти митрополит Евлогий горько сожалел в последующие месяцы.

Такая позиция по отношению к Архиепископии тем более неприятна и огорчительна, что Архиепископия, со своей стороны, никогда не пыталась вмешиваться в дела Русской Церкви, ни критиковать ее в то время, когда свобода ее иерархии была фактически сведена к нулю. Напротив, Архиепископия всегда старалась прийти на помощь Русской Православной Церкви и ее чадам, подвергавшимся гонениям или испытывавшим нужду: она делала это в непрерывной молитве за страждущую Россию и тысячи ее мучеников и исповедников веры; она делала это, распространяя необходимую информацию о жестоких гонениях, обрушивавшихся на Церковь Христову...

Нам кажется очевидным, что неверная информация, получаемая Московской Патриархией о внутренней жизни Архиепископии, а также настойчивое стремление поддерживать иную прочтения истории и канонических оснований Архиепископии и ее отношений с Русской Православной Церковью способствуют росту недопонимания и напряжения, о которых остается только сожалеть. В сложившихся обстоятельствах, по благословению Его Высокопреосвященства Архиепископа Гавриила, и предварительно уведомив об этом Его Святейшество Вселенского Патриарха, Совет Архиепископии выносит предложение просить Его Святейшество Патриарха Московского и всея Руси принять делегацию от Архиепископии, которая могла бы лично представить ему точку зрения Архиепископии и обсудить с ним положение православия в наших странах и всесторонне рассмотреть вопросы его канонического устройства.

«В ЦЕРКВИ НЕТ ТЕМ, ЗАКРЫТЫХ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ»

В Москве прошел фестиваль православных СМИ

Первый фестиваль православных СМИ прошел с 16 по 18 ноября в Москве. В его работе приняли участие 110 московских и 190 иногородних журналистов.

В первый день работы фестиваля перед собравшимися выступили патриарх Алексий II, который в приветственном слове отметил, что архиерейский собор поставил задачу освоения информационного пространства и что в церкви нет закрытых для обсуждения тем, а также заявил, что назрело создание общенациональных православных газеты, теле- и радиоканалов, митрополит Черногорский и Поморский Амфилохий (Сербская православная церковь), призвавший православных журналистов принять участие в возрождении всеправославной миссии в мире, министр культуры РФ Соколов, Управляющий делами МП митрополит Калужский и Боровский Климент, другие церковные и общественные деятели.

Во время второго дня работы фестиваля председатель утреннего заседания, посвященного теме «Современная православная журналистика: критерии качества и перспективы развития», епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан (Ашурков) закончил свое слово призывом не разделять церковь и государство. Этот настрой в целом был поддержан большинством выступавших. Ответственный редактор «Церковного вестника» С. Чапнин заявил, что надо переходить от модели «церковь и общество как разные инстанции» к модели «церковь как часть общества и общество как часть церкви». Поэтому «надо писать для светских СМИ» и больше общаться со светскими журналистами.

В рамках круглого стола «Религиозные СМИ, общество и власть: опыт диалога и сотрудничества» главный редактор интер-

нет-портала «Религия и СМИ» Александр Шипков указал на неустраняемое противоречие во взаимоотношениях церкви и государства: государство всегда в нормальном случае стремится к толерантности между разными верами, а мы стремимся к исповеданию своей веры как предельной истины. С точки зрения А. Шипкова, православные СМИ не могут не учитывать это противоречие в своей работе.

В дальнейших выступлениях, в основном, представителей провинциальных православных СМИ и региональных властей, звучала общая мысль о том, что проблем в их взаимоотношениях нет. Некоторым диссонансом на этом фоне прозвучало только выступление украинских де-

легатов, познакомивших собравшихся со сложными отношениями церкви с властями на Украине, в частности, с тем, что УПЦ МП до сих пор не имеет права юридического лица.

Ведущий круглого стола «Православные печатные СМИ» главный редактор журнала «Фома» Владимир Легойда так сформулировал исходный тезис: «По большому счету, церковью была осознана только задача восстановления храмов и монастырей, а сейчас требуется освоение информационного пространства».

Своеобразным опытом расширения епархиальной газеты поделился главный редактор газеты «Летопись православия» из Запорожья о. Дмитрий

Шуляк: с его подачи епархиальный архиерей на пять лет оставил без наград всех священнослужителей в связи с тем, что они не читают и не распространяют газету.

За независимость православных газет от епархиальных управлений выступил главный редактор газеты «Вера-Эском» Игорь Иванов. На основании опыта своего издания журналист сделал вывод, что в противном случае начинается процесс дегенерации газеты, с другой же стороны, теряется качество работы епархиального управления.

Главный редактор газеты «Нескучный сад» Юлия Данилова напомнила присутствующим о том, что СМИ имеют еще и организующую функцию и что

необходима организация потока информации о благих начинаниях. Эту идею поддержала также журналистка Полина Архангельская, назвавшая язык милосердия общим языком церкви и общества.

Подводя итог второго дня работы фестиваля, Сергей Чапнин сказал, что время «конфронтационной журналистики» (в качестве примера таковой был приведен «Радонеж») прошло. По его мнению, сейчас православной журналистике нужно консолидироваться, хотя пока и не очень понятно, на каких основаниях. Он, в частности, сказал: «Мы должны воспитывать в себе сознание христианской общины или цеховое».

В заключительный день работы фестиваля с докладом выступил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель ОВЦС МП. В своем выступлении он отметил важность для иерархии мнения журналистов. Владика также призвал к достижению единства в многообразии. «Упаси нас Бог от того, чтобы все одинаково писали, говорили и думали. В тот момент, когда мы этого добьемся, все и кончится». В качестве примера свободной и интеллигентной (без шельмования) дискуссии о проблемах церковной жизни митрополит привел полемику в церковной прессе в начале XX века, предвавшую собор 1917-18 гг.

Затем с приветствиями выступили руководители пресслужб Элладской, Сербской, Румынской, Болгарской, Польской православных поместных церквей. От имени папы Иоанна Павла II фестиваль приветствовал председатель папского совета по общественным коммуникациям епископ Боккардо.

Завершился фестиваль торжественным молебном в Успенском соборе Московского Кремля.

В МЕДИЙНОЙ СФЕРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ СМИ НЕТ

Интервью с Владимиром Легойдой, главным редактором «православного журнала для сомневающихся» «Фома»

«Кифа»: На этом форуме звучало очень много комплиментов журналу «Фома» как образцу миссионерского издания, обращенного к людям на пороге Церкви. В чем секрет того, что вы существуете 10 лет и до сих пор востребованы и читаемы? Что делает миссионерское издание успешным?

В. Легойда: Очень сложно ответить на вопрос, в чем секрет успеха. Только что я приехал со встречи, на которой мне суперпрофессиональные маркетологи доказывали, что по всем законам маркетинга мы существовать не можем, но просто срабатывает какое-то наше умение что-то такое делать. На самом деле, я далеко не так радужно смотрю и на наше издание, и на его присутствие в информационном пространстве. По большому счету, в медийной сфере православных СМИ нет. Нужно сказать себе честно: нас нет. Мы где-то для себя крутимся, но о нас никто не знает. На рынок как-то пробился только «Русский дом», больше никаких православных изданий на массовом рынке нет, и это самая большая проблема. Как ее преодолевать? Здесь необходимы и понимание общецерковной задачи, и сред-

ства, и силы - силы профессионалов и средства других профессионалов.

Что касается успеха «Фомы», мне кажется, во многом он связан с тем, что «Фома», как и «Нескучный Сад» в свою очередь, просто в своей сфере не имеют конкурентов. У нас очень мало подобных изданий. Нам нужно, чтобы их было больше, но не вступую, не так, что в каждой

епархии, в каждом городе должен выходить журнал. Нет, нужно, чтобы была нормальная конкуренция, которая будет заставлять нас двигаться дальше, иначе будет застой. И самое главное - нужно писать очень искренне и о том, что тебя волнует. Основная проблема профессионализации православных СМИ, на мой взгляд, заключается в том, что при постановке

на поток самое главное теряется. Я вот под впечатлением своего разговора с маркетологами. Они говорят: «Все просто. Делаете ежемесячник в 36 страничек, в котором всем все понятно: мамашам, крестивших своих детей, что нужно делать, чтобы дети не болели, и т.п. Это ваше издание раскупается, разлетается. А для души раз в год выпускаете альманах и за большие деньги продаете его серьезным людям, которые тоже есть в православной церкви». Понимаете, технологизация процесса может погубить сам процесс. Я в этом глубоко убежден.

«Кифа»: «Нескучный Сад» и «Фома» успешны не только потому, что нет конкуренции, но и потому, что они рассказывают о живых вещах.

В. Легойда: Безусловно.

«Кифа»: Свидетельство о живых приходах, о православных общинах - может ли быть успешным?

В. Легойда: Только это и может быть успешным. Больше ничего успешным быть не может. Посмотрите, на чем построены массовые издания даже с сугубо профессиональной точки зрения? Они тоже построены на

принципе свидетельства: как я поругалась с мужем, как я нашла нового бой-френда и т.д. Это тоже свидетельство, просто не о том. Но принцип один: люди читают рассказы других людей о своей жизни, настоящие рассказы и даже не очень настоящие. Тем более должны быть востребованы мы, потому что у нас живые примеры серьезных вещей.

«Кифа»: В тех принципах православных СМИ, которые провозглашены на фестивале, с одной стороны, говорится о том, что время диалога прошло, потому что сейчас все православные, с другой - перед церковными СМИ ставится миссионерская задача. Не кажется ли Вам эти утверждения взаимоисключающими?

В. Легойда: Может быть, это один из тех парадоксов, которые вызваны самой жизнью. Это парадоксальность, но очень жизненная парадоксальность. Я не думаю, что одно опровергает другое. Присутствует и то, и другое и, видимо, в этом и сложность, но, помимо сложности, в этом есть и какой-то глубинный смысл, который, возможно, на уровне логики нами не может быть осознан.

НАШ ЖУРНАЛ НАЧАЛСЯ С ИНИЦИАТИВЫ ГРУППЫ МИРЯН

Интервью с главным редактором крупнейшего польского православного журнала «Przegląd Prawoslawny» («Православное обозрение») Евгением Чиквиным, депутатом польского Сейма.

«Кифа»: Какое значение в издательской деятельности Польской православной церкви имеют братства, ведь исторически именно в Польше роль православных братств в жизни церкви была велика?

Е. Чиквин: Наш журнал, прежде всего, связан с деятельностью братств. После войны, когда Польская православная церковь оказалась в новых границах, изменился ее состав - интеллигенция почти не осталась, большинство составляли сельские. Мы все крестьянские дети, получившие воспитание в духе бытового

благочестия, примером которого были для нас родители. Книга в наших домах была редкостью. Только в 80-е годы в церкви появились люди с высшим образованием. Тогда не было церковных СМИ, а в государственных нельзя было найти никакой информации о жизни православной церкви. Возникла угроза, что многие образованные люди просто уйдут из церкви.

Это очень хорошо понимал наш нынешний архиепископ Вроцлавский и Щецинский Иеремия, который получил образование на Западе, знал западный мир и был знаком с молодежной и детской работой в протестантских церквях. Он начал свою церковную деятельность молодым преподавателем в нашей Христианской академии в Варшаве, будучи еще светским человеком. Для нас было очень важно то, что он не батюшка, потому что люди не воспринимали священников всерьез, считали, что батюшка что-то говорит только потому, что он батюшка. А ему, светскому человеку, удалось завоевать большой авторитет, который остается у него и до сих пор. Он начал собирать группу православных студентов, собиравшая ее больше пяти лет. Из этой группы выросла целая организация - Братство православной молодежи, и уже брат-

ство решило, что мы попытаемся что-то издавать, печатать - и для себя, для православных, прежде всего, но также для того, чтобы свидетельствовать о церкви инославным, в нашей ситуации - католикам. Потому что мы уже что-то знали о православной церкви, и нам было иногда очень обидно слышать и читать о тех странных и нелепых представлениях о православии, которые часто бывали у католиков. Мы надеялись, что они смогут узнать о православной церкви через наш журнал.

В мае этого года нашему журналу «Przegląd Prawoslawny», который начался с инициативы группы светских людей, исполняется 20 лет. Юридически наш журнал не подчинен церкви, хотя, будучи православными, мы, конечно, почитаем авторитет иерархии и стараемся не делать ошибок, которые вызывали бы заслуженные нарекания с ее стороны. Журнал пользуется широким спросом, прежде всего, потому, что он профессиональный. У нас немного журналов. Они сразу заявили, что если мы хотя бы не приблизимся по дизайну, качеству печати и подаче материала к лучшим светским образцам, то его никто не будет читать. В начале мой заместитель, высококвалифициро-

ванный редактор, приводила нас просто в ужас, когда сокращала даже архиерейские статьи. Она говорила: «Мы пишем не только для воцерковленных людей, батюшек и мирян. Мы должны обращаться и к ищущим, а они привыкли читать светские газеты и журналы». Думаю, она права. Можно издавать толстый богословский журнал для специалистов и интересующихся, с соответствующими статьями, но если мы хотим обращаться к обычным людям, которые только приходят в церковь, и еще не воцерковлены, то это должно быть профессионально, не ниже уровня лучших образцов светской прессы.

«Кифа»: Не подвергаетесь ли вы со стороны католиков обвинениям в прозелитизме в традиционной католической стране?

Е. Чиквин: Мало кто из поляков знает о существовании Польской православной церкви, но когда узнают, что наши предки жили здесь тысячу лет, что мы у себя дома, то часто приходится объясняться, спорить - они ведь могут думать по-другому. За тысячу лет, что мы живем на границе между Востоком и Западом, мы к этому привыкли. В Белостоке, где 50-60 тысяч православных, построено 10 очень больших храмов. Люди жертвуют на церковь, даже те, кто не

ходит в храм, кто утратил родной язык, национальную идентичность, т.е. даже те, кто считает себя поляком и говорит дома на польском языке. Православие их держит, от православия они редко уходят. Может быть, по молитвам предков, которые на этом рубеже все время должны были доказывать истину православия. Есть в Польше какая-то заинтересованность православием, хотя сильно мешают антирусские настроения. Дополнительно отбрасывает поляков то, что мы еще держимся церковнославянского языка богослужения, и наши батюшки проповедают по-русски, хоть и на таком ломаном, как мой.

«Кифа»: А есть ли какие-нибудь храмы, где проповедают или служат по-польски?

Е. Чиквин: Есть во Вроцлаве один приход, где служат по-польски. Предполагали, что эта практика получит распространение, но народ пока не поддерживал. Простые польские православные часто отождествляют церковнославянский язык с истиной православия. В их предстании переход на польский язык богослужения может казаться даже изменой православию. Наверное, в России тоже такое есть?

«Кифа»: В России тоже есть такие настроения.

ЖУРНАЛИСТИКА – ЭТО «МНОГОСЛОЙНЫЙ ПИРОГ»

Интервью с Сергеем Чапниным, ответственным редактором «Церковного Вестника»

«Кифа»: Сегодня можно с уверенностью сказать, что фестиваль прошел успешно. Хотелось бы узнать о планах на будущее: будет ли регулярность в проведении фестивалей, и как Вы сами оцениваете основные итоги?

С. Чапнин: Если говорить об итогах, то фестиваль показал главное - наше общее желание работать вместе, объединять свои усилия. И тогда наше свидетельство о православии, о жизни Церкви будет более весомым и убедительным. До последнего времени Русская Православная Церковь не уделяла должного внимания работе со СМИ, но в последнее время ситуация меняется, и наш фестиваль - это начало серьезной систематической работы. И здесь важно отметить, что на своем декабрьском заседании Священный Синод дал высокую оценку фестивалю «Вера и слово» и одобрил его итоговый документ.

В нашей дальнейшей работе сегодня можно выделить три основных направления: разработка документов, координация информационной деятельности и образовательные программы.

Если говорить о документах, важнейшим представляется программа нашей информационной деятельности. Ее можно назвать основами информационной политики, но не в названии суть. Этот документ должен обозначить приоритеты Церкви в области информационной деятельности, и здесь предстоит большая исследовательская работа. Во время дискуссий в дни фестиваля неожиданно появился запрос на создание ряда других документов. Например, поступило предложение разработать типовое положение о епархиальных пресс-службах и об-

щий устав православной редакции.

Казалось бы, с таких документов надо было начинать работу пять-десять лет назад, тем не менее многие редакции озабочены этим лишь сегодня. Но и это хорошо: такие вопросы возникают лишь тогда, когда журналисты задумываются об эффективности своей работы, когда они намерены серьезно выстраивать свои отношения со священноначалием. Ресурсы православных редакций как правило небольшие, поэтому необходимо использовать современные медиа-технологии, которые позволяют значительно оптимизировать работы. Время, когда православную газету можно было выпускать на коленах, безвозвратно ушло. Если корреспондент зашел на работу в пятницу, другой - в субботу, редактор все прочитал в понедельник и так и не встретился с авторами материалов, а верстальщик пришел во вторник и в одиночку все сверстал - это, безусловно, не редакция. Говорить только о содержательных проблемах, не касаясь общей организации журналистской работы, явно недостаточно.

Это о технической стороне, теперь скажу о содержательной. В дни фестиваля десятки, если не сотни раз говорилось о том, что информационная деятельность, журналистика, работа в СМИ - это одна из важных форм миссионерского служения в современном мире. Кажется, мысль простая и очень понятная, мы слышали ее и раньше, но из нее следуют очень важные выводы. С одной стороны, журналист должен воспринимать свое служение как служение церковное. С другой стороны, и

Церковь должна относиться к служению журналиста очень внимательно и серьезно, не игнорировать его служение. На практике часто бывает так: сегодня священник или епископ может согласиться на интервью, а завтра без объяснения причин легко от него отказаться. Эту ситуацию необходимо менять. Если появляется запрос на информацию о Церкви, на него должен быть ответ или, в крайнем случае, мотивированный отказ: почему конкретный священник не может ответить на вопросы журналиста. Безусловно, есть вопросы, которые вне компетенции священников. Это естественно, но тогда они должны сказать, куда журналист может обратиться. Если вопрос касается церковной истории, канонического права или сложных религиозно-философских вопросов - журналист должен знать, куда он может адресовать свой вопрос. Миссионерское служение «неудобное», хлопотное, но без него невозможно «научить все народы».

С другой стороны, и светские СМИ должны понимать, что церковная журналистика - это не просто попытка христианских общин, попытка Церкви подстроиться под современный мир, приспособиться к нему. Нет, это реализация миссионерского служения Церкви в новых формах.

«Кифа»: Наверное, и на нас как на церковных журналистов накладывается определенная ответственность, состоящая прежде всего в том, чтобы обращаться к миру со словом свидетельства, а не со словом претензии.

С. Чапнин: Я думаю, что претензия не так много. Есть такой тип журналистики - конфронта-

ционная, агрессивная журналистика. На мой взгляд, она не христианская, агрессия нам чужда. Мы можем давать жесткие оценки, мы можем судить очень и очень строго, иногда должны судить очень строго и бескомпромиссно. Но, тем не менее, уровень претензий, упреков - это, безусловно, не уровень христианской журналистики. Невозможно себе представить миссионера, который общается упреками. Я глубоко убежден, что журналистика конфронтации уходит в прошлое. Да, есть еще ряд «независимых» православных изданий, которые постоянно кого-то обвиняют, ищут врага среди своих ближних, но это маргинальная журналистика, как бы они не старались доказать обратное.

Кстати, интересно посмотреть на комментарии, которые появляются по поводу состоявшегося фестиваля. Есть те, кто участвовал в фестивале, конструктивно работал, и таких абсолютное большинство. Есть и небольшая группа тех, кто на фестиваль, проводившийся по решению Священного Синода, не приехал. Они пытаются создать нечто «оппозиционное», но, насколько мне известно, пока говорят только глупости.

Мне очень жаль, что в последнюю группу попал и Валентин Лебедев, руководитель Союза православных граждан. На заседании Клуба православных журналистов 27 января он сказал буквально следующее: «То, как был подготовлен и проведен его организаторами фестиваль «Вера и слово», вносит раскол в церковную жизнь в наше непростое время. Эти люди совершают откровенный большой грех». Мне трудно понять, как право-

славный человек может так жестко осудить работу оргкомитета фестиваля «Вера и слово», председателем которого был митрополит Калужский и Боровский Климент, а итоги фестиваля, как я уже говорил, были одобрены Священным Синодом. Видимо, это говорит о качестве нашей так называемой церковной общественности.

«Кифа»: Объединение журналистов - это, конечно, перспектива дальняя, хотя реальная. Согласны ли Вы с митрополитом Кириллом, который говорил, что в первую очередь оно должно строиться на церковном принципе единства в многообразии?

С. Чапнин: Безусловно, ведь журналистика - это некий «много-слойный пирог». Существуют разные типы СМИ, множество различных специализаций внутри печатных изданий, радио или ТВ. Поэтому собрание сообщества должно происходить на признании того, что человек, который стоит рядом со мной, может регулярно писать так, как я не напишу никогда в жизни, и при этом тоже быть церковным журналистом и делать общее со мной дело. Это должно быть совершенно естественно. Мне кажется, мы просто обязаны преодолеть свою узкую специализацию. Видите, мы опять выходим на проблемы миссионерства - это такое широкое поле, на котором все могут работать. И здесь я никаких проблем не вижу. Журналисты даже могут, в конце концов, крайне редко встречаться, но важно, чтобы в нашем сознании окрепла уверенность: нас, работников, на этой ниве очень и очень много, и мы должны легко обращаться друг к другу за поддержкой, если возникнет такая необходимость.

В нашей газете мы уже неоднократно рассказывали о повседневной жизни, праздниках и проблемах глубоко связанного с Преображенским сообществом Свято-Филаретовского института. В декабрьских номерах этой теме традиционно отводится центральное место: уже много лет второго декабря, в день памяти свт. Филарета Московского, институт отмечает свой актовый день. Сегодня мы впервые обращаемся к теме истории (и отчасти предистории) СФИ, которой целиком была посвящена беседа ректора Института, священника Георгия Кочеткова, с преподавателями, студентами и сотрудниками СФИ во время совместного паломничества в ноябре 2004 г.

Среди материалов этого номера есть и статьи, казалось бы, не связанные непосредственно с темой христианского образования, но тем не менее относящиеся к нашей центральной теме. Нам хотелось познакомить своих читателей с теми, кто трудится в Институте или неразрывно связан с ним. Поэтому на этом развороте мы публикуем отрывок из проповеди члена Попечительского совета СФИ проф.-протопресв. Виталия Борового (в ноябре этого года отметившего шестидесятилетие своего пастырского служения), а через несколько страниц - интервью с одним из преподавателей СФИ, Б.А.Воскресенским, где он рассказывает о своей профессиональной деятельности и о своем пути к вере и в Церковь.

ПОДЛИННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ – НЕ «ТЕПЛОЕ», А ГОРЯЧЕЕ

Свято-Филаретовский православно-христианский институт отметил день своего небесного покровителя

2 декабря по уже сложившейся многолетней традиции преподаватели, студенты и сотрудники Свято-Филаретовского института (СФИ) отметили память своего небесного покровителя встречей, которая в этом году прошла в конференц-зале Института философии РАН. Актовый день открылся речью члена Попечительского совета СФИ О.А. Седаковой "Церковнославянский язык в русской истории". Речь была посвящена, главным образом, паронимии в церковнославянском и русском языках, то есть проблеме существования одинаковых в написании и звучании слов, принадлежащих двум разным языкам и имеющих разную семантику. Ольга Александровна нарисовала интересную картину, возникающую в результате чтения текстов на церковнославянском языке, которую можно охарактеризовать как "понимание без понимания", доходящее даже до противоположной интерпретации слышанных слов. Так, например, когда мы читаем "теплое" моление, то это означает не "тёплую, нежную", а "очень горячую" молитву, а слово "тихий" означает не "не громкий", а "тот, в котором нет угрозы", "радостный". В результате такого "понимания" текстов сложился определённый образ "тихого и тёплого" православия, расходящийся с его реальным горячим и ревностным характером.

Ольга Александровна подчеркнула, что простым отказом от церковносла-

вянского языка проблема паронимии не решается, так как порождённые ею изменённые смыслы уже вошли в русский язык и в русскую культуру. Коренным же образом изменить ситуацию было бы возможно только путём

образования и просвещения наших современников, читающих эти тексты. В связи с этим О.А. Седакова выразила свою признательность СФИ за то, что он занимается христианским просвещением.

Подводя итоги, ректор СФИ проф.-свящ. Георгий Кочетков отметил, что, несмотря на сложную ситуацию с помещениями, Институт прожил год "в хорошем тоне". За год были защищены 3 магистерские и 20 бакалаврских работ, что является хорошим показателем для общего числа выпускников бакалавриата (40 человек ежегодно) и магистратуры (5-6 человек ежегодно). Многие преподаватели Института, как и прежде, участвовали в различных богословских конференциях в России и за рубежом. Международная научно-богословская конференция, проведенная в этом году на базе Института, уже четырнадцатая по счету, была посвящена в этом году проблеме диалога между церковью и обществом.

Закончился праздник торжественным вручением магистерских и бакалаврских дипломов выпускникам Свято-Филаретовского института, а также свидетельства об окончании Богословского колледжа и Богословских курсов при СФИ. Прозвучали напутствия выпускникам и их ответные слова благодарности ректору, преподавателям и всем тем, кто трудится в Институте.

НАМ ПРЕДСТОИТ НОВАЯ ПОСТВЛАДИМИРСКАЯ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ

Из проповеди члена Попечительского совета Свято-Филаретовского института, доктора богословия, профессора-протопресвитера Виталия Борового в часовне СФИ

мощь - теперь это называется патронаж.

Но хватит уже взаимно благодарить друг друга. Виктор Константинович предложил мне и отец Георгий благословил сказать несколько слов о том, что было читано, — о пророке Ионе во чреве китове. Я скажу так, как всегда в жизни говорил. Простите, это не похоже на то, что называется академическим набором благочестивых красивых слов. Вы все читали и сейчас вот слышали про Иону во чреве китове. На эту тему написано много: и о покаянии, и богословских размышлений о воскресении тридневном и так далее. А я скажу о другом. Я скажу про современность, в которой мы живем.

Кто такой Иона во чреве китове? Это наша страна, наш народ, наша церковь после революции. Мы тоже величали себя святой Русью, Бог знает чем, а, в сущности, бежали в своей жизни от Бога, сохранился только набор благочестивых красивых легенд и слов. И тогда Господь всколыхнул историю, и исторический корабль, на котором плыл наш народ, наша страна, потрясло так, что он стал тонуть. Бросила история нас в море бурлящее, во чрево китовое. Я не говорю ни о какой партии, но новая власть схватила нас и были мы в этом чреве не три дня, а много лет, до начала восьмидесятых годов, до того времени, когда началась уже перестройка. И это всем нам наука сейчас, чтобы снова не всколыхнулась история и море историческое не захватило нас, потому что тогда, может быть, новый кит захватит нас полностью.

Дорогие братья и сестры, а ведь нам предстоит сейчас новая, поствлади-

мирская христианизация. При Владимире крестили Русь официально, потом уже стали рождаться христианами, так называемыми православными, хотя, большей частью, по имени христианами. Так появлялась Россия, святая Русь. И вот теперь на постсоветском пространстве воцарилась полная свобода, даже не свобода, а хаос. Будем говорить правду: нам с вами предстоит сейчас настоящая христианизация нашего народа, нашей церкви. И мы должны с этим справиться. Конечно, мы не подготовлены, конечно, мы плохие, но нужно честно сказать про себя: мы не подготовлены, и начать делать то, что мы можем делать. Сейчас! Делать! И в конце концов научимся.

Дорогие братья и сестры! Я знаю, что вы делаете дело, как можете, какое можете. Не всегда, может быть, удачно, не всегда хорошо, но вы делаете, пытаетесь: есть Свято-Филаретовский институт, есть катехизация, научение. Тот, кто считает, что вы неправильно делаете, пусть возьмет и сделает лучше и покажет всем, как надо делать. Простите, это не только нас с вами касается, но и так называемых патриотов, которые каждого встречного считают еретиком или обновленцем, чтобы показать, какие они православные. Легче всего у нас стало быть православным: я православный, а кругом меня все еретики или же обновленцы. Поэтому и этим так называемым православным придется плохо, и нашей иерархии, и нашим властям, если мы все не опомнимся и не возьмемся за настоящее обучение народа и настоящую жизнь христианскую.

А для этого нам всем, всему народу надо объединиться под руководством нашей иерархии. Без иерархии церковь быть не может. Долгое время я жил за границей, куда послали меня, несчастного. Но я думал: вернусь и начнем обсуждать, как начать новую жизнь. Но никакого обсуждения нет! Двадцать лет я почти с ума схожу от этого! Дорогие братья и сестры, надо их заставить, в конце концов, обсуждать. Всех! И дай вам Бог силы и постоянства в этой новой христианизации.

И последнее. Дорогие мои девушки и женщины! Я вас, простите, люблю. Хотя я старый уже, но, извините, вам в ноги кланяюсь за ваше чтение, за ваши молитвы — вот это настоящее. Бог знает, слышит Бог или нет всяких протоиереев там с протопресвитерами, со всякими знаками отличия и всего прочего. По всей вероятности, вряд ли Он слышит нас, из-за грехов наших. А вот их - лучше слушает Бог. Вот тут была маленькая Наташа. Вот ее, таких, как она, - услышит, хотя они, простите, тоже свои грешки имеют. Вот таких детей Бог слышит по-настоящему, потому что это чисто. Дай вам Бог всем быть такими, смотреть на своих детей или наставлять по-настоящему новых детей. Дай нам Бог дожить до того, как они возрастут и станут настоящими православными, настоящими христианами. И станет наша страна воистину христианской второй раз, но уже до Второго пришествия, чтобы, когда Господь придет, встретила Его Русь православная. Настоящая православная, настоящая христианская. Ей, Господи, гряди! Аминь.

Дорогие братья и сестры!
Нет, я не буду хвалить вас, не беспокойтесь, я не в таком настроении. Христос сказал: "Где двое или трое будут собрани во имя Мое, там и Я посреди них". Так что, несомненно, между нами Христос. Я воспользуюсь тем, что здесь нахожусь: хочу земно поблагодарить не столько руководство, сколько вас, всю общину, за то, что вы делаете на ниве просвещения и за по-

И ОБРЕСТИ, И СОХРАНИТЬ СВОБОДУ – ОЧЕНЬ ТРУДНО

Из беседы ректора Свято-Филаретовского института, священника Георгия Кочеткова, с преподавателями, студентами и сотрудниками СФИ

Я немного расскажу о том, как был рожден наш институт, каковы его корни, какая пружина была в нем заложена — она и сейчас работает и должна, видимо, работать и дальше. Конечно, это было какое-то уникальное стечение обстоятельств, с одной стороны, связанных с моим жизненным путем, с другой стороны — с эпохой, хотя ни к тому, ни к другому все это не сводится, представляя собой что-то большее.

Я пришел в Церковь во второй половине 60-х годов. Понятно, от чего мог тогда прежде всего страдать молодой человек, сначала школьник, к 1968 году — студент, который пришел в Церковь, ничего не зная, воспринимая все "с нуля", как оно есть перед ним. Ведь не было никаких книг, не было ни одного текста — ни Евангелия, ни молитвословов, вообще ничего! Издание Писания 1968 года достать было невозможно. Иметь у себя церковный календарь — хорошо известную вам книжечку с фотографиями архиереев — было верхом счастья, молитвослов, даже тоненький, в двадцать страниц, где было бы несколько утренних и вечерних молитв и что-то из литургии, или «Журнал Московской патриархии» были недостижимы, а уж о «Богословских трудах» я и не говорю, они выходили фантастически маленькими тиражами. Я прекрасно понимал, что значит быть в церкви только на одном богослужении в том виде, в каком оно есть сейчас. Даже если это патриаршая служба, т.е. предполагается, что лучшая (я был в то время прихожанином Елоховского собора). Много воспринималось только эмоционально: вот умиительно поют или подушещипательнее читают — и замечательно, и прекрасно — и все!

Были очевидны огромные проблемы и провалы — ни о какой полноте церковной жизни и речи быть не могло. Тогда я еще многих вещей не знал, но начинал узнавать, особенно после 1970-1971 года — после оглашения первого катехумена, которое для меня было огромным стимулом самому что-то узнать. Было ясно, что нужна особая система — по принципу дополненности, восполнения: все, чего в церкви нет, но что должно быть, мы должны делать сами, своими руками. Это главное. И на самом деле до сих пор — вы же прекрасно понимаете — мы чаще всего решаем свои проблемы именно таким образом. И ставим внутренние акценты исходя не из особых академических интересов или особых наших дарований именно в одном, а не в другом, а исходя из этого принципа дополненности: ты должен делать то, что должно быть в церковной, духовной жизни, но чего нет или что радикальным образом извращено и искажено. Надо сказать, что у молодежи, круг которой быстро образовался вокруг меня уже с 1967-68 года, еще с десятого класса школы, это все находило очень большой отклик. Это не было романтикой, это была суровая правда жизни. С советской властью шутки были плохи. Вы уже об этом забыли, конечно, а я-то хорошо это знал. Поэтому вопрос о духовном образовании стоял и таким образом: а что будет, если все духовные учебные заведения закроют? А что будет, если закроют все храмы? А что будет, если не будет ни одного священника и епископа? Мы начали собирать библиотеку, делать ксероксы, опять же исходя из принципа дополненности: а что, если не будет никаких библиотек? (Их и так практически не было, но все-таки были закрытые библиотеки духовных школ и частные собрания). Мы подбрасывали книги по принципу полноты: брали лучшее. Я выяснял у отца Всеволода Шпиллера, у отца Виталия Борового и у других подобных людей, что они рекомендуют в первую очередь и строго следовал этому плану. Кое-что нам перепало от Николая Евграфовича Пестова, Сергея Иосифовича Фуделя. Так что первоначально наша библиотека собиралась не для института, а для того, чтобы она была — как возможная альтернатива.

Концепцию института я стал готовить уже после того, как отучился в светском

вузе, потом в аспирантуре, потом в духовной академии, сдав экзамены экстерном за семинарию — т.е. имея некое объемное видение светской и духовной системы образования, зная серьезные минусы той и другой, но видя и плюсы, и зная, что можно сделать уже в этот исторический момент. Нужно было отбросить все недостатки той и другой системы и взять все достоинства, привести это к какой-то целостности, последовательности, чтобы было меньше повторений, меньше, как говорится, «тех же щей пожже влей», от чего особенно страдали духовные школы (как и от схоластики, от изучения того, что никогда ни под каким соусом никому в жизни никогда не пригодится — это было и в светской сфере, и в духовной). Я стал думать о том, как строить новую систему образования и понял, что в основу надо положить принцип свидетельства о полноте духовной церковной жизни. Полнота жизни была важнейшим критерием качества и на оглашении, которое, начавшись в 1970 году, уже не прекращалось. Этот же принцип был положен в основу концепции института.

Вы знаете, что в 1983 году на последнем курсе академии я начал писать свою магистерскую работу — «Таинственное введение в православную катехетику». Логика работы предполагала, что я должен описать всю систему оглашения как систему, являющуюся одной из основных сфер (или граней) церковного предания. Это тоже стало одним из стимулов подумать о высшем духовном образовании, т.к. одна из глав была посвящена подготовке катехизаторов. Довольно быстро я понял, что полноценно проводить катехизацию может только человек, который имеет высшее духовное образование. Даже если он средненький ученик, студент, он знает тот минимум, который не позволит ему фантазировать, т.е. улететь куда-то "в туманную даль". Он не будет одинок. В церкви самое страшное — это одинокость, ибо это порождает внутреннее или даже внешнее сектанство. И вот от одинокости надо было уходить, так же, как от всякого рода духовного мешанства, и легковерия, и суеверия. Уже имея программу первого, второго и третьего этапов оглашения, я понял, что хорошим будет такой институт, или высшая христианская школа, которая даст хорошее представление обо всех сторонах церковной традиции, которая введет всесторонне, целостно и последовательно в эту традицию. Если говорить коротко, то из этого зернышка и родился наш институт.

В 1986 году, как только я кончил писать свою магистерскую работу, я сразу стал разрабатывать концепцию конкретной программы высшей школы со списками литературы. Я понимал, что никакого официального разрешения мы не получим — об этом даже говорить открыто было нельзя, скажем, по телефону,

поэтому все делалось неофициально. Понятно, что нужно было рассчитывать, что все будет на наших руках, что никаких денег никто не даст, все будет исключительно на голом энтузиазме и в домашних условиях. Исходя из этого и пришлось работать.

К 1988 году все уже было готово. Получилось так, что именно в 1988 году, в начале февраля, родилась первая община — не огласительная группа, как вы понимаете, а община, то, к чему мы стремились с середины 1970-х годов. Все это одно другое поддерживало. Братство еще не было выявлено, не было оформлено. Оно существовало только потенциально. Рождение общины позволило всерьез говорить не только о системе образования и о концепции, а иметь ту живую среду, к которой все это могло быть естественным образом приложено. Поэтому в июле 1988 года практически вся первая община поступила в институт, который назывался тогда просто христианской школой, и больше никак. Нам ведь тогда не до куража было, нам нужно было называть все как можно короче и проще, потому что, не забудьте, все это было

неофициально. Поэтому первые учебные планы, которые были потом опубликованы в журнале "Православная община", предполагали все ступени образования (я специально не считал курсы, а считал ступени образования, которые могли продолжаться разное число лет). Их было три: первая — оглашение, вторая — фактически бакалавриат, который совмещал нынешний колледж с бакалавриатом, и третья — магистратура. Предполагалось, что учиться нужно будет лет десять: бакалавриат — три года, магистратура — три года, написание работы — еще три года, плюс перед этим год оглашения.

Вот так мы открыли настоящий, серьезный институт. Предполагалось, что он будет существовать бесконечно. Правда, предполагалось, что и советская власть не будет иметь видимого конца. И в центре оставалось именно восстановления полноты церковной жизни. Поэтому это предполагало, скажем, и особый взгляд на богослужение. И если почти нигде в те годы не было проповедей по Писанию — мы устраивали "воскресники", т.е. проповеднические встречи, куда люди приезжали после литургии и восполняли то, чего не было на службе. В храме было непонятное чтение Писания и не было проповедей — вот и читалось то же самое Писание и люди сами говорили проповеди друг другу — готовясь, конечно.

Вот это — то, на чем наш институт стоял и на чем он стоит сейчас. Поэтому для нас так дороги наша свобода и целостность. Скажем, исходя из этих соображений мы не очень стремимся получать аккредитацию на теологию. Дело не в том, что мы боимся "висеть на крючке", но в том, что профессионализация такого рода деятельности и такого рода знаний и завязка этой профессионализации

с известными социальными привилегиями — тут тебя от армии освободят, здесь еще что-то дадут — убивает всякий дух и всякую реальную потенцию к богословствованию. Так что, конечно, иногда дико слышать или видеть, как люди относятся, скажем, к институту, как к любой светской работе, которая просто является источником дохода и применением каких-то знаний, полученных по случаю или без случая. Или когда люди спрашивают: зачем нам учиться? или: а что нам за это будет? а где мы будем работать после этого? и т.д. Это какая-то такая духовная фальшь, которую я переносить не могу, поэтому меньше всего эти вещи объясняю. Если люди сами не понимают, то объяснить трудно. Поэтому вот так же, как я считаю, что необразованный христианин — это нонсенс, что человек, который не может говорить о своей вере другим и учить своей вере других — это нонсенс на уровне 1,5 землекопа — 2/3 христианина, что-то такое уродливое, неестественное — так же я не могу себе представить, зачем занимаются студенты, которые плохо учатся.

В начале 1990-х годов мы примерно год работали в ОВЦС. Митрополит Кирилл тогда предложил, чтобы наш институт стал главным в нашей церкви. И я отказался, сказав, что мы не можем работать на массу, на поток: у нас небольшой институт, но он думает больше о качествах, а не о количествах. Так что такое тоже было. Поэтому для нас действительно актуален вопрос, с чем соглашаться, а с чем не соглашаться. В церкви очень трудно и обрести свободу, и сохранить ее. Есть много императивов в церкви, связанных с благочестием, связанных с законом, с заповедью. И иногда это постепенно так сковывает человека, что он вообще о всякой свободе забывает, а думает только о своих грехах или о том, что ему все позволено. И на самом деле дух свободы — редкий дар, более редкий, чем дар любви. Я не хочу повторяться, мы об этом неоднократно говорили, и вспоминая Бердяева, и независимо от Бердяева. Но Бердяев просто очень уж хорошо об этом думал и говорил. Для нас это действительно принципиально важно. Наша свобода не в том, что мы не входим никуда, что мы не государственное учреждение и не церковное учреждение в смысле структуры. Мы действительно таковы, но не это для нас принципиально. Надо уметь быть открытыми. Мы можем и войти в какую-то структуру, как мы входили в свое время — с 1990 по 1992 г. — в состав Российского открытого университета. Когда нас пригласили работать в ОВЦС и для Синода, то мы согласились. Нам это было трудно, но мы согласились. Мы как-то сработали, мы что-то сделали. Мы можем формально войти в подчинение Отдела по катехизации, или Миссионерского отдела, или Учебного комитета патриархии, или ОВЦС и т.д., но свободно, т.е. с условием, что мы будем делать только так и только то из предложенного нам, с чем мы внутренне согласны и в чем компетентны. Этому меня научил отец Всеволод Шпиллер, который говорил об ОВЦС и митрополите Никодиме (Ротове), что тот иногда давал ему такие задания, с которыми согласиться было нельзя. В отце Всеволоде были очень заинтересованы, ему все время предлагали сотрудничество. Он говорил: да, я согласен, но буду делать только то, что я считаю по совести возможным. Вот на таких условиях и мы можем сотрудничать.

Не надо жить самонимением, не надо думать, что мы одни имеем особое призвание. Но какие-то подлинные качества, которые нам достались очень дорого на протяжении десятилетий, в т.ч. советских — их хранить нужно. Иногда говорят: а что значит — хранить нашу жизнь? Многие из вас знают, что так говорят о себе беседники: "Мы храним нашу жизнь". А вот у нас есть такое понятие — хранить свою жизнь? У некоторых есть. Но люди еще спорят о том, что это значит. Это относится и к нашему замечательному институту.

С 17 по 24 ноября 2004 г. в г. Бангалор, столице южного индийского штата Карнатака, прошел семинар-совещание на тему «Нарождающиеся миссии» (Emerging Missions Training Consultation). Семинар был организован совместно старейшим миссионерским обществом Великобритании Си-Эм-Эс (CMS – Church Mission Society – Церковное Миссионерское Общество) и Индийской Евангелической Миссией (IEM – Indian Evangelical Mission). В семинаре принимали участие руководители и сотрудники различных миссий стран так называемого «южного региона» – Африки, Центральной и Южной Азии, Ближнего Востока, – а также европейцы (в основном, сотрудники CMS и миссий-партнеров). Встреча была межконфессиональной: большинство участников представляли протестантские церкви (англиканы, баптисты, пятидесятники, евангелисты, Объединенная Церковь Южной Индии и т. п.), но были также несколько представителей православной церкви (проблемам православной миссии была посвящена специальная встреча в рамках семинара) и Церкви Св. Фомы в Индии. От Свято-Филаретовского православно-христианского института во встрече участвовали ректор Института, свящ. Георгий Кочетков, и преподаватель английского языка Наталья Кольцова. На этой странице мы публикуем их впечатления о состоявшейся встрече.

В МИССИОНЕРЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЛУКАВСТВА...

Из проповеди свящ. Георгия Кочеткова

Удивительно то, как происходит вот эта всемирная миссия. Я слушал, смотрел и удивлялся. Не то что я никогда с этим не сталкивался – я довольно хорошо знаю, скажем, что происходит на миссионерском поле в нашей стране, независимо от конфессиональных принадлежностей людей – но я был просто поражен тем, как сейчас люди работают, наконец-то поняв простую вещь: что в наше время происходят какие-то глобальные сдвиги, и если мы сейчас опоздаем, если мы будем сейчас молчать, если не будет сейчас христианской миссии, то, так как «свято место пусто не бывает», оно очень быстро будет заполнено другими – мусульманами или кем-то еще – в Индии индустриями, где-то еще – буддистами. Это определенно касается Азии и Африки. Дело в том, что в Юго-Восточной Азии очень сложная миссионерская ситуация, там действительно во многих странах практически невозможно христианская миссия, но она развивается с взрывной силой в последние десятилетия. Стоит появиться буквально одному-двум христианам, как тут же вокруг появляются сотни, десятки тысяч, а то и сотни тысяч верующих.

Миссия взаимна. Все настроены миссионерски. Индуисты настроены миссионерски. Мусульмане – тоже. Католики очень активны, необыкновенно активны. Протестанты евангелического и харизматического направления необыкновенно успешны в своей миссии. Это не наши хилые потуги (я имею в виду не только нашу церковь в целом, но и наше Содружество братств). Это было очень интересно, потому что это было неожиданно. Для этого стоило туда приехать. Доклады на консультации делали фактически лидеры миссионерских движений. От каждой страны было по одному человеку, и они рассказывали, как обстоят дела у них – в Шри Ланке, в Непале, в Пакистане, в Бангладеш, в Северной Индии, в Южной Индии, Камбодже, Лаосе (хотя в Лаосе христианская миссия практически невозможна до сих пор) или в Африке (в основном в бывших английских колониях). Многие обращаются из мусульманства в христианство – для меня это было тоже удивительно.

Я не ожидал, что православные так хорошо впишутся в этот протестантский контекст. Правда, нас там было немного. Кроме меня и Наташи были лидер

большого армянского братства Гамлет Закарян (все-таки армяны мы назовем православными) и очень интересный богослов и миссиолог, известный во всем

православном мире, отец Василий Михок из Румынии, руководитель единственной в Румынии миссионерской высшей школы.

Для нас эта поездка, была, конечно, возможностью свидетельства. Там была интересная программа, составленная очень опытными людьми, хорошими организаторами, и один вечер был специально посвящен миссии в православном контексте. И эта сессия сыграла огромную роль. Мне дали тему «богослужение и миссия». Я говорил о том, что наше богослужение имеет миссионерское значение, но с другой стороны, не все однозначно. И очень интересно, как они слушали все это и какие делали выводы. Они мгновенно поняли разницу внутренних акцентов. Мне пришлось, естественно, говорить об иконах, потому что, действительно, церковная музыка и иконопись имеют огромное миссионерское значение. В XX веке в Европе это, может быть, были самые сильные миссионеры – правда, часто вне храма, но это другое дело. Так вот, очень интересно, что все остальные участники слушали и были под очень большим впечатлением. Мы говорили о каких-то вещах – допустим, о различии духовного и душевного в миссионерской деятельности – о многих таких вещах, которые естественно возникают в сознании у православных людей, когда они видят протестантскую миссию. Конечно, мы говорили не с позиции контрмиссии: «все, что протестантское, то плохо», понятно, что до такой глупости там никто не мог опуститься. Но просто, когда начинаешь сравнивать, возникают какие-то существенные вопросы, и о них удалось поговорить.

Глядя на этих людей, я понял, что действительно, у нас нет никакой миссии.

Те, кого мы там видели – в подавляющем большинстве своем люди, которые совершенно не умеют оглядываться назад, взявшись за плуг, в отличие от нас; мы все время возьмемся за плуг и начинаем размышлять: а можем ли мы это делать без благословения, а вообще стоит ли браться за плуг, а может, в этом нет воли Божьей, а если есть, то кто же может сказать, что есть, и вообще, кто может судить, ведь сказано – не судите... И несть конца этому нашему лукавству, а соответственно и безделью. А ведь быть миссионером и быть лукавым человеком невозможно.

Почему такая разница? Почему у нас нет миссии – вообще никакой? Даже у людей, которые, как мы, в принципе открыты к миссии? Нужно было бы об этом поговорить и подумать отдельно.

МЫ РАССТАВАЛИСЬ ЧУТЬ НЕ СО СЛЕЗАМИ

Эта поездка в Индию была первой и для меня, и для о. Георгия, так что впечатления начались сразу с момента высадки в Бомбее, где мы делали посадку на местный рейс до Бангалора, и не прекращались вплоть до радостной встречи с родиной на 20-ти градусном морозе на летном поле аэропорта Шереметьево-2 в Москве (в Бомбее мы сядились в самолет при температуре +30). Родной «Аэрофлот» не преминул напомнить и нам, и летевшим с нами индусам, что Россия – это вам не Индия, и высадил нас из самолета на мороз в чем были (индусы в рубашках с короткими рукавами смотрелись классически).

Надо сказать, вся поездка была удивительной смесью «мелких неприятностей», подобных 50-градусному перепаду температур (батюшкин комментарий: «должно быть искушениям») и больших благословений, которые не всегда сразу можно было и осознать, и вместить. К первым относилась, несомненно, наша постоянная «борьба за

выживание» с местной кухней (наши хозяева – богословский колледж UTC (United Theological College) – совершенно искренне старались нам угодить и подавали еду, которая на их вкус была совершенно пресной, при этом я убеждена, что за эту неделю в Индии съела больше перца и острых приправ, чем за всю жизнь), ко вторым – удивительное общение, которое за неделю сблизило самых разных людей так, что расставались чуть не со слезами (при том, что многим приходилось тратить больше суток на дорогу домой). Нет, это не было единственным благословением – чего стоит замечательная природа, погода без единого дождика (это в сезон муссонов!), знакомство с древнейшей культурой и удивительным народом, целая череда всяких приятных «совпадений» и «подарков» (например, когда мы совершенно неожиданно попали на церемонию вручения патриаршей награды члену местной общины сирийской православной церкви и были тепло приняты в качестве «международ-

ных гостей», а думали всего лишь «посмотреть церковь!»), – но самое большое ощущение чуда осталось именно от общения. Мне очень нравится одна фотография, где за столом во время обеда сидят вместе, оживленно беседуя, румын (о. Василий из Сибиу), египтянин (англиканский пастор), ирландец (сотрудник миссии CMS) и кенийец. Я понимаю, конечно, что в нашу эпоху глобализма чего не встретишь, но все-таки это впечатляет. Да и удивительным был не сам факт общения, а его качество. Помню, в последний день семинара, когда все участники (очень искренне) благодарили организаторов и персонально Марка Оксброу (директора по международной миссии в CMS, который приложил очень много усилий для того, чтобы семинар состоялся), Марк сказал: «Если бы все, что я делаю, было так же радостно, я бы делал гораздо больше». По его лицу было видно, что он не лукавил, да и все мы в тот момент ощутили то же самое.

Наталья КОЛЬЦОВА

ПОЧТА ИЗ БАНГАЛОРА

Выдержки из писем свящ. Георгия Кочеткова и Н. Кольцовой в Свято-Филаретовский институт

18 ноября

Дорогие братья, сестры, друзья!

Долго ли, коротко ли мы летели, но прибыли на место вовремя, к семи часам утра.

По прибытии после небольшого отдыха мы на рикше Абдулле (это почти то же, что на метле) поехали смотреть город, одновременно богатый и нищий. От таких дорог мы уже отвыкли, но нам говорили, что в Индии это еще лучший вариант. Мы начали осмотр города с большого католического центра, состоящего из псевдоготической базилики и большого числа окружающих ее индуизированных капелл.

Состав участников консультации (а их около сорока) весьма интересный и разнообразный. Хорошо представлены языческая Азия, языческая Африка и мусульманский Восток. Из православных еще священник из Сибиу (Румыния), о. Василий Михок.

После чая начался любопытный разговор о селл-группах (cell groups), т. е. малых группах-ячейках, очень похожих на общины, которые могут вместе составлять приходы, что очень близко к нашим братствам. Подается это как некая новость, и новость хорошая (good news). Такой оборот дела не мог не радовать, тем более, что он сопровождается некоторым анализом с попыткой встроить все это в существующую церковную традицию.

20 ноября

Утром нам рассказали о своем видении миссионерской ситуации в Азии, Африке и Восточной Европе. Последнее докладывал о. Василий Михок на примере Румынии. Было ясно, что у нас много общего, хотя и много различий. Им удалось сохранить непрерывной монашеско-старческую традицию. Они развивают образовательные и миссионерские церковные проекты. В Сибиу он сам возглавляет миссионерский институт.

После ужина мы «сфокусировались» на «исламском контексте». Почти православный бангладешец Мабуд Чоудрай рассказал о деятельности своей миссии в мусульманской стране, где проповедовать почти невозможно. Он сам обратился из мусульманства двадцать лет назад и почувствовал призыв открыть веру во Христа братьям. Он начал писать книги типа «Свет Корана», сравнивая Коран и Библию и доказывая, что даже Коран ведет ко Христу.

Горячий кенийский парень Патрик Джума, темперамент которого не позволяет ему спокойно стоять на месте, рассказал, как в Кении и Танзании посылают по два миссионера, которые живут общей жизнью с местными мусульманами. Важно, что они никогда не церковные работники, не имеют сана, но они всегда готовы помогать в жизни и трудиться на благо окружающих их людей. Он заме-

тил, как мешают проповедники, приезжающие проповедовать наскоком, не понимающие ситуации и в результате лишь обостряющие ее.

23 ноября

Вчера, в понедельник, нам сначала рассказали об индийском миссионерском «поясе» молитвы. После таких молитв, как выясняется, сразу начинают появляться новые миссии и миссионерские движения. Далее шел весьма интересный доклад главного организатора конференции, одного из руководителей Си-Эм-Эс (CMS – Church Missionary Society) Марка Оксброу об организации миссионерских и церковных партнерств. О том, как строить работу, чтобы она не затухала, чего при этом стоит опасаться, а что принимать как должное. Это оказалось очень близко к опыту нашего Содружества. Захотелось подиологизировать. Мы даже подошли потом к нему и пригласили к нам.

Перед обедом был торжественный акт фотографирования всех участников конференции, а после перерыва – еще два семинара. Первый вел Сесил Вилсон: мы говорили на тему о том, как церкви вдохновляют и поддерживают миссионеров. Везде картина не радостная, ибо повсюду миссии препятствуют имеющиеся церковные структуры (даже у англикан и протестантов!). Второй семинар был посвящен вопросу вовлечения молодежи в дело миссии. Стало несколько неловко за нашу молодежь, которая ни в какой миссии не участвует и участвовать не собирается. С этим тоже надо что-то срочно делать.

Сегодня была заключительная часть. Все разбились на группы и записали «итоги»: что ожидалось, что получилось, что конкретно изменилось после конференции и что уже можно планировать на будущее. В частности, была идея через три года снова собраться и посмотреть на то, что вышло. Была идея поговорить о селл-группах и их экзегезисологическом смысле. Говорилось и о принципе безопасности, ведь некоторые миссионеры работают практически подпольно, даже в Индию всех нас пригласили как друзей одного человека.

С Богом. Очень ждем встречи.

SYNDESMOS: ВПЕРЕД К ВСЕПРАВОСЛАВНОМУ СОБОРУ

Обращение президента СИНДЕСМОСа, главного редактора «SYNDESMOS News»

После долгого затишья выходит новый выпуск «Syndesmos News» («Новостей Синдесмоса»), информационного бюллетеня нашего Братства. Мы приветствуем всех членов, друзей и партнеров Синдесмоса. В прошлом году (14 – 22 июля 2003 г.) в Дурресе (Албания) прошла Генеральная Ассамблея нашего Братства, придавшая ему свежий импульс. На ней с новой силой было сказано о призвании Синдесмоса, которое состоит в укреплении православного единства и свидетельстве о Церкви. В Дурресе нас гостеприимно принимали Богословская Академия Православной церкви Албании и ее растущее молодежное движение «Сыны Света». На ассамблее мы встретились с участниками со всех континентов, имеющими единую веру и заботу о Церкви Христовой. Мы приветствовали прежних руководителей Синдесмоса, вдохновивших нас на нашу сегодняшнюю работу. Его Блаженство Анастасий, архиепископ Тираны и глава Автокефальной церкви Албании, обратился к нам со словом, которое зажгло в нас миссионерский огонь и сознание апостольского измерения Православия. На этой встрече в Албании мы пережили истинность слов псалма: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс. 132, 1).

После Генеральной Ассамблеи недавно избранный в Пирее (Греция) Административный Совет Синдесмоса провел встречу в октябре 2003 г. и назначил Ольгу Олейник, члена прежнего Совета, на пост генерального секретаря. Под ее руководством Генеральный Секретариат осуществляет различные проекты согласно рекомендациям Генеральной Ассамблеи. Характерной особенностью молодежных движений является регулярное обновление состава сотрудников и участников: молодежное служение (что относится и к Синдесмосу) означает постоянное обновление и изменение. Также Синдесмосу присуще преемство духа: в этом отношении мы благодарим всех наших предшественников в руководстве Синдесмоса за их поддержку и доверие, особенно Маноса Кумбарелиса, Хилдо Боса и Ребекку Хуквей. Мы обещаем продолжить работу по тем направлениям, которые они инициировали, и, переехав в Афины, просим их

о поддержке в предстоящей работе.

Следуя призыванию к единству и свидетельству о Церкви, выраженному членами Синдесмоса в Дурресе (Албания), Совет определил как насущную задачу работу над важнейшими церковными темами, которым не всегда уделяют внимание другие члены церковного Тела.

Мы хотим, чтобы деятельность Братства, пользуясь преимуществом энтузиазма, свойственного молодежи, послужила Церкви в ее миссии в мире. Нашим девизом могли бы стать слова: «Приступать к важным вопросам жизни Церкви с дерзновением и смирением».

В течение предстоящих четырех лет Синдесмос собирается провести несколько разовых акций, а также ряд длительных программ, внутри которых наша деятельность сосредоточится на четырех основных направлениях:

- миссионерская работа и апостольское измерение Православия;
- «На пути к Собору. Неотложные вопросы Церкви»;
- экуменизм и понимание других религий;
- отношения с дохалкидонскими церквями.

По некоторым из этих направлений работа уже началась. В качестве участников, наблюдателей или партнеров мы участвуем во многих экуменических встречах с целью обеспечения в них серьезного представительства православной молодежи и существенного вклада в экуменический диалог. Это возможно благодаря богатому опыту многих членов нашего Братства во всем мире. В качестве примера можно привести участие о. Хейкки Хуттунена (бывшего президента Синдесмоса) и Оути Васко (члена Совета, Регионального представителя Синдесмоса в Северной Европе) в экуменической встрече «Вместе за Европу» в Штутгарте, 8 мая 2004 г.

Еще один проект осуществлен в конкретном экуменическом пространстве: в июне 2004 г. Спирос Тимурис (вице-президент) и Ребекка Хуквей (бывший Генеральный секретарь) возглавили команду православной молодежи в поездке в экуменический монастырь Бозе (Италия), где плодотворно общались с группой римо-католической молодежи.

В июле вокруг Димитрия Эконому (бывшего президента), Спироса Тимуриса (вице-президента) и Никоса Полузоса (члена Совета, Регионального представителя в Южной Европе) собралась группа для начала диаконических лагерей на горе Афон (Боголюбский монастырь) для молодых людей и в монастыре св. Иоанна Предтечи в Айиа (Волос, Греция). Это дало возможность ее участникам увидеть, как монашеская традиция соединяет аскетическую жизнь и экологическое сознание. Синдесмос уже много лет участвует в развитии интереса к экологии: так, всемирный день молитвы за Творение (1 сентября) был включен в ежегодный календарь Синдесмоса с первого дня его установления, а также в 1996 г. Братством была издана книга на тему «Православие и Экология» под редакцией д-ра Димитрия Эконому (тогда президента) и Александра Белопопского (бывшего Генерального секретаря). «Всякое дыхание да славит Господа...»

В августе 2004 г. Административный Совет собрался снова, в этот раз на открытую для всех участников встречу с дерзновением называем «На пути к Собору. Неотложные вопросы для Церкви». («Кифа» рассказывает об этом событии в № 7-8 - Прим. ред.). Во Французских Альпах нас принимал АСЕР-МЖО (АСЕР-МЖО), член-учредитель Синдесмоса. Мы обсуждали вопрос о том, что должно быть сделано в Православии для примирения, чтобы облегчить процесс подготовки Великого Собора, ожидаемого еще с начала прошлого столетия! Эта встреча стала вдохновляющей для Совета, т.к. его члены (некоторые впервые) имели возможность участвовать в неадминистративном собрании Синдесмоса. Там было выработано обращение совета ко всем активным силам в Церкви с призывом к новому служению - подготовке к Великому Собору нашей Церкви.

Несколько недель назад произошли еще два важных события: в Эстонии и в России (рассказы о них вы найдете в следующем выпуске «Новостей Синдесмоса»). В Эстонии, недавно вошедшей в Европейский союз, участники встречи делились взглядами на христианское понимание гражданства. Этот про-

ект был организован Синдесмосом при поддержке Европейского молодежного фонда, в сотрудничестве с местными молодежными движениями, среди которых – Братство православной молодежи Эстонии (Автономная церковь Эстонии) и Лига эстонской православной молодежи

боды. Однако, ничто не может быть сделано в Теле Христовом без благословения тех, кто несет пастырскую ответственность, т.е. без местных епископов. Именно поэтому нам надо встречаться с ними, с главами церквей, чтобы получать от них не только благословение, но и

Совместная молитва (АСЕР-МЖО).

(Эстонская епархия Московского Патриархата), оба являющиеся членами Синдесмоса.

Проект в России особенный, т.к. это первый в нашем четырехлетнем плане проект по развитию миссии и апостольского сознания. Он проходил в условиях современного миссионерского пространства России, где коммунизм в течение десятилетий многое разрушил в церкви и породил потребность в повторной эвангелизации страны, в которой церковь в свое время была сильной и живой. Эта повторная эвангелизация уже началась и происходит новым историческим способом: вызовы миссии во всех посткоммунистических обществах требуют не только распространения книг Евангелия, но также ставят задачу распознавания того, что является существенным, а что – нет, в нашей Православной традиции в двадцать первом столетии.

Упомянутые выше и многие другие вопросы поставлены сегодня из потребностей Церкви. Синдесмос может быть единым местом, где они могут обсуждаться свободно, со взаимопониманием и без опасений. Мы видим свою роль в Братстве в том, чтобы быть опорой, помощниками и поручителями этой сво-

советы по вопросам церковной жизни, а со своей стороны - передавать им отзвук сознания простых людей со всего мира. Такие встречи требуют времени и поддержки, как моральной, так и финансовой, поскольку Синдесмос не имеет постоянного источника дохода.

В 2005 г. среди событий в разных регионах мира мы постараемся осуществить проекты в Африке и Азии и продолжить наши четырехлетние программы. На нашем сайте и в бюллетене вскоре будет больше информации об этом.

Во всем нашем служении в Синдесмосе мы постоянно помним о том, что мы служим Православной Церкви, со смирением видя все наши немощи, но и с убеждением, что, служа Церкви, мы служим нашему более глубокому включению в Тело Христово, чтобы быть ближе к Тому, Кто является нашим Спасителем. Мы вместе стремимся стать экзистенциальным Союзом единства - SYNDESMOS.

Христофор Д' АЛОИЗИО,
президент Синдесмоса
<http://www.syndesmos.org>
Перевод с английского Анны
ЛЕПЕХИНОЙ

НЕОТЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ЖИЗНИ ЦЕРКВИ

Встреча в рамках программы «На пути к Собору. Неотложные вопросы жизни Церкви» в La Servagere (Франция).

Кафоличность вселенской Церкви рождается из примиренности местных церковных общин. К сожалению, мы вынуждены признать, что на сегодняшний день дар примирения еще не актуализирован ни внутри поместных православных церквей, ни на всеправославном уровне. В то же время, существует несколько «горячих» проблем во всеправославной семье церквей, которые остаются нерешенными десятилетиями и являются тяжелым грузом как для клира, так и для всех верных.

Размышляя над этими фактами, Административный Совет Синдесмоса решил начать четырехлетнюю программу богословской консультации на тему: «На пути к Собору. Неотложные вопросы жизни Церкви». Первая такая встреча прошла 2-8 августа 2004 г. в La Servagere (Франция).

Ясно понимая, что это обсуждение не должно быть ограничено встречами Совета Синдесмоса, Административный совет призывает движения-члены Синдесмоса и все заинтересованные православные молодежные и лаические движения проводить местные консультации на эту тему. Эти консультации не обязательно должны быть на высшем официальном уровне, поскольку есть риск, что они станут формальными. Они должны свидетельствовать о глубокой озабоченности народа Божьего настоящим моментом. Очень желательно, чтобы в них, насколько это возможно, участвовали и клирики, и миряне, а также представители разных возрастов, полов, этнических групп. Мы призываем вас вступать в эти дискуссии прежде всего в духе творческого дерзновения и смирения перед кафоличностью и правдой, пребывающей в Теле Христовом.

Мы также просим вас присылать в Генеральный Секретариат Синдесмоса отчеты о результатах этих консультаций. На основании ваших отчетов мы составим сводный отчет этой важной ценной дискуссии, который сможет стать полезным для Церкви. Мы надеемся, что этот сводный отчет станет ценным вкладом в подготовку Великого Собора Православной церкви. Пожалуйста, направляйте свои отчеты:

Генеральный Секретариат Синдесмоса
факс: 0030 210 656 0992, e-mail: syndesmos@syndesmos.org
почтовый адрес: P.O. Box 66051 Holargos 15510, Greece

ВЫ НАМ ПИСАЛИ...

В субботу, 18 декабря, ректор и духовный почитатель Института связи, Георгий Кочетков рассказал в часовне СФИ о своей поездке в Голландию на совещание ректоров христианских духовных учебных заведений России, Украины и Белоруссии. В частности, о. Георгий говорил о духовной ситуации в Голландии. Помещаем ниже фрагмент письменного отклика на его рассказ.

18 декабря, 2004.

Слово о. Георгия после вечерни оставило впечатление тяжелое. Не сразу, а по осмыслении его в течение последующих вечерних часов, а потом и часов ночных. То, что сказано было им о духовной жизни Голландии, удивления не вызвало, всего лишь подтвердило то, что было известно ранее. Можно привести еще более ужасающие свидетельства. Шокировало другое, тоже, впрочем, не что-то новое, но описанное в ином контексте – отношения голландцев с природой в рамках практически языческого культа. Меня и ранее приводило в изумление возникновение именно в Голландии неких особо продвинутых «зеленых» движений за отмену эксплуатации животных: доить коров и собирать мед у пчел – это у них «насилие над животными».

После работы в Индии и полемики с местным населением по сравнению демократий США и Индии («несомненно, только в Индии существует настоящая демократия, поскольку она охватывает не только людей, но и животных» – что приводит, в сущности, к чудовищному безобразию на практике) этот голландский бред показался не столь вопиющим, а лишь отголоском бреда восточного. В индийских аэропортах мне не раз приходилось видеть трелетную европейскую молодежь в сари и сандалиях, стремящуюся на поклонение своим новым святыням, но под чутким крылом travel guards, которые аккуратно вырезают своими волшебными ножницами эти самые святыни и кашмирские красоты из адовой действительности индийских мегаполисов (а, главное, их пригородов) и зловонных захолустных провинций. Возвращаясь, эти выморочные юнцы радостно несли столь же выморочную правду «новой духовности» своим обкурившимся травой собратьям, которые, в свою очередь, радостно несли эту «правду» в жизнь в форме прокламаций об «отмене рабства животных». С одной стороны, смотреть на это было смешно. С другой стороны, возмущало существование целой индустрии восточного «оглашения» для изверившихся в христианстве людей, наивно полагающих, что они вот уже сейчас, среди этих чудных декораций, приобщаются к истине. В то время как истина пряталась совсем рядом с ними, – в христианских миссиях, разбросанных по всей Индии, где люди вроде православной монахини Гавриилы или множества католических и протестантских подвижников своими руками исцеляли прокаженных и являли миру чудеса любви, а не впечатляющие упражнения по погружению в нирвану.

Да, Голландия демонстрирует исключительный пример самого бережного отношения к природе даже для западного мира, и пытается сохранить этот мир как можно ближе к состоянию, данному нам свыше. И это не единственный пример «реализации» Заповедей. Похоже, голландцы приблизились к воплощению почти всех Заповедей – кроме Первой, ну, и насчет «не пожелай», наверное. Но это сразу превращает сказку «христианскую» (в смысле, «гансо-христианскую») в сказку языческую...

Михаил РОЖКОВ

«Кифа»: Не могли бы Вы несколько слов сказать о том, когда образовалась ваша ассоциация и какие цели вы перед собой ставите? Есть ли со стороны этой общественной организации некоторая заинтересованность в том диалоге с церковью, о котором говорилось на последней конференции СФИ?

Б.А. Воскресенский: Я являюсь членом редколлегия журнала Независимой психиатрической ассоциации, в которой постоянно и активно работаю, сейчас еще и членом ее правления. Ассоциация недавно исполнилось 15 лет. В мае текущего года состоялся юбилейный, своего рода итоговый съезд, наметивший новые программы дальнейшей работы ассоциации. Ассоциация в своей основе имеет идеи гуманизма, помощи душевнобольному и рассматривает психиатрию как науку, призванную своими специфическими формами помочь больному человеку, защитить его и от болезни, и от той общественной недоброжелательной атмосферы, которую часто порождает сам факт наличия психического заболевания, что, конечно, всегда производит на общество тягостное впечатление, страшит людей. Поэтому ассоциация открыта сотрудничеству со всеми организациями, объединениями, пронизанными тем же духом, лучше сказать, не гуманизма, а – человечности. Отсюда возникли контак-

но, мы рады видеть на этих конференциях людей разных призваний и профессий. Традицией стали именно выступления отца Георгия Кочеткова, откликающегося

дуют инаковерующих людей. Любая серьезная вера по этим категориям может быть названа болезненным явлением.

Б.А. Воскресенский: Безусловно, нет никакой принципиальной разницы, идет ли речь о диссидентском движении как политическом, идеологическом, философском институте общественной жизни, или о религии, о вероисповедании. Я часто на своих лекциях вспоминаю о том, что знакомство с книгой Дмитрия Евгеньевича Мелехова у меня началось именно с потребности объяснить студентам, что инакомыслие в смысле политическом и душевная болезнь – вещи разные, далеко не всегда совпадающие. Уже потом логическое продолжение этих поисков и размышлений привело меня в круг специалистов, которые противостояли злоупотреблениям в психиатрии в борьбе с сектами. Так что, конечно, это курсы одного и того же подхода к человеку, одного мирозерцания.

«Кифа»: В связи с этим, не могли бы Вы, если возможно, немного рассказать о своем духовном пути? Каким образом Вы пришли к вере и в Церковь?

Б.А. Воскресенский: Я повторюсь: книга Мелехова сыграла здесь особую роль. Из моей фамилии понятно, что в роду моем были священнослужители, но это было не по прямой линии, а через поколение, личного общения с дедушками я

ИНАКОМЫСЛИЕ И ДУШЕВНАЯ БОЛЕЗНЬ – ВЕЩИ РАЗНЫЕ

Интервью с профессором, кандидатом медицинских наук Борисом Аркадьевичем Воскресенским

ты ассоциации со Свято-Филаретовским институтом, с братством. В какой-то мере первичным мостиком в налаживании этих дружеских связей послужил и я, когда пришел в наше братство, в наш институт. Формы взаимодействия ассоциации с институтом и братством многообразны, в т.ч. это и посильное участие или хотя бы даже присутствие членов ассоциации на ежегодных осенних конференциях СФИ. Быть в курсе идей современной церковной жизни чрезвычайно важно для ищущих психиатров.

«Кифа»: Члены вашей ассоциации все люди верующие, или среди них есть как верующие, так и неверующие?

Б.А. Воскресенский: Если мы будем говорить конкретно, то это, прежде всего, молодые психиатры: и будущие практики, и начинающие научные работники, так или иначе связанные со мной, я показываю им этот путь. К сожалению, не могу сказать, что я кого-то непосредственно привел в Церковь, но эти люди очень доброжелательно относящиеся к вопросам духовной жизни и веры, и, надеюсь, рано или поздно они придут в Церковь. Что касается форм сотрудничества ассоциации с Институтом и братством, то здесь нельзя не сказать о традиции научных психотерапевтических Консторумских чтений, названных так в память о выдающемся психотерапевте советских времен Семене Исидоровиче Консторуме. В этом году чтения будут проходить уже в десятый раз, и не менее чем в половине из них со второй половины 90-х годов участвовал отец Георгий Кочетков. Думаю, не будет преувеличением сказать, что его выступление, обсуждение его доклада всегда является одним из самых ожидаемых, самых главных событий этой конференции. Очень хорошо, что почти все эти выступления опубликованы и в братской печати, и в изданиях Независимого психиатрического журнала.

«Кифа»: Таким образом, эти чтения не являются узко специальной конференцией, ведь отец Георгий не специалист-психиатр? На чтениях обсуждается достаточно широкий круг вопросов?

Б.А. Воскресенский: Формально все-таки правомерно считать чтения специальной конференцией врачей психиатров и психотерапевтов, но поскольку психотерапия как целенаправленное организованное воздействие на психику неотъемлемая и ставит себе не только лечебные задачи, но и целебные, в самом широком смысле этого слова, то, конеч-

ся на этот призв. Другие специалисты и организации, если уместны здесь такие слова, не могут этим похвастаться.

«Кифа»: Разрешите задать Вам вопрос, связанный с темой года, принятой для обсуждения Преображенским содружеством, – о мирном и непримиримом противостоянии злу. Видимо, во многом ассоциация была создана с целью некоторого противостояния карательному использованию психиатрии, которое практиковалось в советские годы? Существуют ли сейчас подобные тенденции?

Б.А. Воскресенский: Да, Независимая психиатрическая ассоциация начинала свою деятельность в значительной мере в русле правозащитного движения. Она старалась противостоять официальной советской психиатрии в ее категоричности и жесткости суждений, которая могла приводить (я осторожно говорю, потому что сложно относиться к проблеме карательной психиатрии) к недостаточно обоснованным диагностическим психиатрическим заключениям и вытекающей из них документации. В значительной мере эти коллизии принадлежат прошлому. Однако в меньших масштабах, так сказать, в другой плоскости злоупотребления, недоработки, связанные с несовершенством и психиатрического законодательства, и теории и практики, имеют место и сейчас. Эти факты находят отражение на страницах нашего журнала. Продолжением этой правозащитной линии в середине и во второй половине 90-х годов стала деятельность Независимой психиатрической ассоциации по утверждению принципов гуманности в период борьбы с так называемыми тоталитарными сектами: тогда руками психиатров пытались расправиться с непонятными, новыми, нетрадиционными, непривычными религиозными и какими-то другими общественными течениями. Психиатрические заключения в большинстве этих случаев были совершенно не обоснованы, зачастую основывались на обывательском суждении: если человек не такой, как все, – значит, болен. Мне тоже пришлось принимать участие в анализе, в оценке состояния членов таких объединений, ассоциация и сейчас продолжает подписывать некоторые заключения.

«Кифа»: Ведь такое использование психиатрии в чем-то идет из советского времени, когда православная христианская вера могла быть охарактеризована как болезненное явление из тех же самых соображений, из которых и теперь часто пресле-

не имел и, как говорится, в советское время корни были обрезаны. Крещен я был во младенчестве, но с церковью, с верой сталкивался, так сказать, в рамках культурно-интеллигентских. В храме бывал, праздники у нас дома отмечались, но это было традиционно-интеллигентски, так бы я сказал. А потом, на рубеже 80-90-х годов, знакомство с книгой Мелехова привело меня сначала в объединение священнослужителей и врачей в рамках Московской патриархии, которые совместно искали пути преодоления наркомании, алкоголизма, других зависимостей. Потом эта деятельность, увя, заглохла, по крайней мере, как я об этом знаю, или сократилась по своим масштабам. Затем некоторое время я работал за рубежом и там старался ходить в храм. Здесь я не могу не сказать, что самые теплые минуты в течение довольно длительного пребывания во Франции я провел в храме и в доме священника в Сен-Женевьев-де-Буа, отца Ильи Шмайна. Это великий человек в моем представлении.

Так вот, когда я вернулся домой, стремление быть ближе к Церкви оставалось, но оно было неоформленным. Сначала я пошел восстанавливать храм на улице, где живу, в котором в советское время был клуб. Со мной вместе работали молодые люди, они были замечательные, но не церковные, не верующие, а туристы, занимающиеся восстановлением памятников, это было их, так сказать, культурное хобби. Мне с ними было не очень уютно, не было общности, и я попробовал восстановить контакты, которые у меня были до отъезда в русле работы по преодолению зависимостей, но их не удалось восстановить. Не вдаваясь в подробности, скажу, что я был отторгнут теми церковными структурами, к которым обратился просто с предложением о сотрудничестве. А потом Алла Даниловна Василевская, которую я знал по ее научным публикациям (лично мы знакомы не были) разыскала меня и попросила написать предисловие к первому изданию книги Мелехова, которое готовилось институтом. Как она потом объяснила, она узнала обо мне по моим научным работам по психиатрии и психотерапии, которые не имели отношения именно к вопросам веры, но, тем не менее, как-то ее затронули. Так Дмитрий Евгеньевич Мелехов привел меня сначала в братство, а потом в институт.

Беседовала
Александра КОЛЫМАГИНА

Я КОНСЕРВАТОР ДО МОЗГА КОСТЕЙ

Интервью с писательницей Майей Кучерской

— *Майя Александровна, представляясь в журнале “Знамя”, Вы очертили треугольник, известный из старинной немецкой поговорки о женском уделе — три “К”: киндер, клюхе, кирхе. В этом, да и вообще в том, как Вы пишете о себе и своем творчестве, сквозит не только Ваша замечательная самоирония — понятно, что на самом-то деле человек пишущий уже в силу самого этого свойства не ограничен подобными пределами — но, прежде всего, любовь к своей семье и к церкви... Вот на тему церкви и хочется поговорить. Недавно вышел Ваш сборник “Современный патерик”, и скоро выйдет его второе издание. Здесь самые разные вещи на церковную тему — серьезные и ироничные, лирические и пародийные... Все без исключения, на мой взгляд, добрые и очень осмысленные, в них, словно в разных гранях, преломляется личный опыт церковной жизни, наблюдения и переживания... Рискну задать Вам для начала такой вопрос: не могли бы Вы вкратце, в пределах допустимого для Вас поделиться тем, как Вы нашли для себя церковь?*

— Это такой серьезный вопрос, никто никогда мне его не задавал. Очень личный. Но попробую... Лет до 15-ти я жила себе весело и как-то очень наполнено — пописывала стихи, рассказы, ходила на литературный кружок, с удовольствием занималась математикой, спортом, попутно все время кого-нибудь напряженно любила, то учительницу, то тренера, то мальчика из класса — и даже грусть была мне в радость, она разнообразила палитру. Как вдруг в десятом классе эта полнота жизни схлынула. Напрочь. Обнажилась пустынный берег. Все любви себя исчерпали, стихи больше не писались. Душу залила такая безысходность и пустота. Я буквально почувствовала себя мертвой. “Как тяжело ходить среди людей и притворяться не погибшим” — Блок писал это, исходя из совсем иного опыта и о другом, но мне казалось — ну, точно про меня! Эта муторная беготня по репетиторам, занятия днями и ночами — надо же было поступить в университет! — невыносимые отношения с самыми разными людьми, разрывы, соединения, как-то неприкаянные вечеринки с девочками — в общем, пустота и сиротство. Я понимала, меня спасет только вера. Это не позднейшая проекция, это задокументировано — есть в дневниках тех лет такая фраза, слово в слово: “меня спасет только вера”. Но как было ее обрести? Я не знала. Евангелие я попробовала читать, не смогла, заскучала. Слушала Бориса Христового, зашла разок-другой в церковь — ну, здорово, конечно, красиво, но какое-то все чужое, насупленные бабульки, священники стремительно пронеслись мимо... Правда среди моих знакомых было два верующих человека и оба что-то важное мне говорили, вели, подводили. И все же черту, отделяющую безверие от веры, я переступить не могла, пока один из этих верующих друзей, мой одноклассник, не сказал мне: “Понимаешь, это надо просто почувствовать”. В смысле присутствия Божие. Знаете, вовремя сказанное слово может перевернуть жизнь. Я хотя бы поняла, в каком направлении надо искать — в области чувств. И вскоре это чувство пришло, ощущение, что Господь меня видит. Такое тихое прикосновение к сердцу. На следующий день после этой встречи с Богом (уж простите за пафос), я проснулась с ужасом: а вдруг это чувство ушло и я опять не верующая? Но оно не ушло. На следующий день не ушло тоже. И я поняла, что это навсегда.

— *А как Вы начали писать на церковную тему?*

— Сначала мне было не до того — начав ходить в церковь уже осознанно, поступив-таки в университет и крестившись, купив молитвослов, посещая

службы, я испытывала одно только блаженство, свет и беспредельное счастье, что я не одна, что мне понятно, куда стремиться, и впереди погружение в это чудное море нового опыта и возможностей — молитва, батюшки, исповедь, очищение от страстей, духовная жизнь. Короче, обычный неофитский романтизм, подпитываемый вполне реальной благодатью, которая посещает многих новоначальных. Потом пришло отрезвление: выяснилось, что мои возможности не только не бесконечны, но и очень ограничены, что очищение от страстей — это кровь и пот, причем никто не гарантирует тебе результата. И

еще — что в церкви служат не ангелы, а люди. Именно тогда, а это было десять с лишним лет назад, я написала первые истории “Патерика” — о современных монахах, истории, слегка и, кажется, довольно невинно модернизирующие каноническую патериковую традицию. Это была попытка освоения открывшейся мне новой реальности — современной церкви, непохожей на древнюю — средствами современного языка. Получились эти первые отрывочки (опубликованные тогда же в “Литгазете”), по моему, достаточно светлыми, беззлобными, их 20-летний автор все еще был полон надежд.

— *Вы эти надежды утратили?*

— Годы шли, церковь окончательно вышла из подполья, расправила плечи, число верующих в России множилось в геометрической прогрессии, приходов тоже становилось все больше, они обрости разветвленными инфраструктурами. Чтобы обслужить их, понадобились рабочие руки: в 1990-е годы многие верующие миряне начали устраиваться на работу при храме — в приходские гимназии, в воскресные школы, в приходское издательство, на кухню... Вскоре стало очевидно, вся эта прихрамовая жизнь оформляется в некую субкультуру — со своими неписаными законами, правилами, ритуалами. Сформировалась особая православная среда, которой семьдесят лет в этой стране практически не существовало. Среда же — душа по определению, просто потому что в замкнутом, набитом помещении людьми всегда трудно дышать. Всем тесно, жарко, но выйти страшно, тут ты вроде бы среди своих, а там холодный мир. Да и отпустят ли? Спросите издателя, он скажет, что задыхаетесь от издательской тусовки, спросите художника, он скажет, как его утомил его артистический круг — это нормально уставать от своего круга. Православная среда — не исключение. И чем больше я соприкасалась с братьями и сестрами по вере — а я некоторое время работала в разных церковных структурах — так

вот, чем больше соприкасалась, тем душе мне становилось. Не от церкви, не от служб, не от таинств — именно от православной среды, ее лексики, ее интонаций, придыханий, системы оценок, ее суеверий и предрассудков. Чтобы преодолеть ощущение духоты, я и взялась за продолжение “Патерика”, который собственно эту субкультуру и описывает.

— *Преодолели?*

— Не до конца...

— *Что-нибудь из недавно вышедших книг на церковную тему Вам запомнилось?*

— Лучшая православная книга, которую я прочитала за последнее время, называется “Последний старец” — это подробная биография отца Павла Груздева, умершего восемь лет назад. Последний ли он старец, не знаю — надеюсь, нет — но все в нем поражает до немоты. Оставим за скобками его праведную жизнь, его страдания, то, что, сидя в лагере, он спас от голодной смерти десятки людей. В отце Павле было и другое — не помню, чтобы я так хохотала, читая церковную книжку. Как он шутил! Это было, что называется, простонародный, грубоватый, матерчатый такой на ощупь юмор. Не в бровь, а в глаз, и очень смешно. Вот просят его путешественники благословить в плавание их катер и помолиться, чтобы они не утонули. Отец Павел катер благословляет и добавляет: “Не бойтесь, ребята, г... не тонет”. Тут всё! И обличение, и шутка, и бесконечная доброта. Я видела отца Павла незадолго до смерти, ему было 85 лет, он еле ходил, крошечными шажками, поддерживаемый с двух сторон, он ничего не видел, совершенно ослеп, но он пел за столом песни, сыпал прибаутками, и опять-таки шутил.

— *У вас, кстати, тоже замечательное чувство юмора и, что не менее замечательно, нет табу на его использование в церковной теме. А Ваше “Назидательное чтение для воскресной школы” — блестящая пародия на плохую миссию и проповедь, какой сейчас, увы, немало. Но такая уж вещь юмор — люди воспринимают его очень по-разному. Вот прочитает кто-нибудь: “Один батюшка был людоедом...” — и побежит сломя голову на пикет с протестом против возведения хулы на Святую Церковь. К тому же за некоторыми Вашими персонажами угадываются некоторые реальные люди (да что там угадывать — даже многие из этих имен не изменены), причем иногда это буквально культовые фигуры, неприкосновенные для множества почитателей персонажей...*

— С людоедом все очень просто. Я же ничего не придумала, в “Патерике” вообще немало таких “ходячих сюжетов”, баек, циркулирующих в церковной среде. История о батюшке-людоеде не более, чем развитие известного церковного анекдота о том, как митрополита Филарета (Дроздова) спросили, что можно есть в Великий пост. Он ответил: “Все, кроме людей”. Это шутка. Поучительная, конечно, но все равно шутка, к тому же не моя, а канонизированного церковью святителя. Что касается культовых фигур, то их не стоит отождествлять с реальными людьми. В “Современном патерике” действительно появляются отец Николай Гурьянов, отец Павел Троицкий, тот же отец Павел Груздев, отец Александр Мень, отец Иоанн Крестьянкин. Но это вовсе не значит, что все истории про них документальные. “Патерик” — художественное произведение. Это художественная литература, это не “картинки с натуры”. Странно было бы упрекать Пушкина в том, что он недостоверно изобразил Бориса Годунова, или обвинять

Шекспира за неточный портрет Генриха V-го. Вступая в пространство искусства, историческая личность превращается в литературного героя. У героя может быть реальный прототип, но буквальное сходство между ним и прототипом вовсе не обязательно. Это азбучные истины, которые проходят в школе на уроках литературы, я их повторяю только оттого, что литературу у нас в школах преподают в основном плохо. Так вот, и в “Патерике” у некоторых героев были прототипы, но часто в процессе работы связь между тем, с кого списывался портрет, и самим портретом терялась, исчезало даже отдаленное сходство.

— *Так какая же все-таки реакция на Ваши произведения в церковной среде?*

— Церковная среда разделилась на два лагеря: сердитый и дружелюбный. Не знаю, кого больше бояться. Со мной спешат соединиться беспокойные души, жаждающие реформирования, обновления церковных традиций, едва ли не взрыва, подозревая во мне церковную революционерку, а я ведь консерватор до мозга костей. Не очень образованный консерватор — возможно, поэтому мне нравится все так, как есть.

— *А в чем Вас обвиняют оппоненты?*

— Один из самых частых упреков такой: “Патериком” я выношу сор из избы и соблазняю малых сих, то есть людей нецерковных. Но вот как раз за малых-то бояться не надо. Не надо считать других дураками, нецерковные люди ничуть не глупей и не хуже людей церковных, нужно ли это объяснять? Они поймут, да и уже поняли все правильно и адекватно. Знаете, самые добродетельные и проницательные отзывы о книге я слышала именно от людей, далеких от церкви. Они не валяются в этом котле и видят больше. Не знаю пока никого, кого “Патерик” отвратил бы от церкви, а вот случаев обратных у меня в памяти несколько, но в конце концов не в них дело, а в том, что на воре шапка горит. Кто громче всех возмущается? Тот, кто испытывает личную обиду, кто узнал себя в персонажах “Патерика”, но не захотел смеяться над собой и надудля. Причем я совсем не чувствую себя стоящим на возвышении трибуном, ниспровергателем и обличителем, я тоже там, с теми, над кем смеются, потому что сама вхожу в этот православный круг, в эту среду. Сплошная самоирония, как Вы заметили.

— *Да, этой сопричастностью Ваш юмор разительно отличается, скажем, от сатиры раннего Ярослава Гашека, который мне волей-неволей вспоминается при чтении иных мест “Патерика” — местами явно переключаются сюжеты, тоже из церковных реалий, которые он видел в своей стране и в свое время. Но он, в духе своей эпохи, смотрел на церковь враждебно, как на нечто отжившее и нелепое, смаковал эти нелепости и в итоге, как известно, пошел воевать за “светлое коммунистическое завтра”. Упреков же в Ваш адрес я не понимаю примерно по тем же причинам, что и Вы.*

— И все-таки даже упрек, даже ругань свидетельствуют о неравнодушии, о том, что проблема отношений с церковью у многих больная. Это намного лучше равнодушия, теплостыдности. Пусть лучше орут, чем молчат.

— *Вы признаётесь в любви к церкви, но говорите о ее болезнях и катастрофах. В чем они, по-вашему?*

— Об этом и написан “Современный патерик” и перечислять их снова и снова мне просто тяжело. К тому же они очевидны. Церковь живет не в безвоз-

(продолжение на стр. 12)

Вход Господень в Иерусалим. Икона 15 в. (фрагмент)

Знаете ли вы, что в Преображенском содружестве уже около 6 лет работает программа «Помощь детям ВИЧ-инфицированных родителей»?

Может быть, вы и слышали об этом, но вряд ли

В БОЛЬНИЦУ К МАЛЫШАМ

многие из вас ответят на вопрос, где и каким образом организована помощь, кто конкретно в ней участвует, кто ею руководит.

История же этого служения начиналась так.

В конце 1998 года одна из сестер нашего Содружества, находясь со своей внучкой в инфекционной больнице, узнала, что там живут дети, от которых отказались их ВИЧ-инфицированные матери.

Хотя у большинства детей этот страшный диагноз не подтверждается, но все они находятся в больнице, по меньшей мере, до трех лет, так как только в этом возрасте может быть поставлен окончательный ВИЧ-диагноз.

Дети находятся в строгой изоляции, так как, как это ни покажется парадоксальным, люди, приходящие с улицы, представляют для детей значительно большую опасность, чем наоборот.

Но, тем не менее, они очень нуждаются во внимании, в теплом, ласковом, добром слове, так как их режим в больнице, в основном, – «свободный сон в течение 24 часов в сутки». А каждый из нас знает, что если ребенок в детстве недополучил любви, если с ним недостаточно общались, то это уже ничем не исправишь, и ребенок навсегда останется «не таким,

как все».

Раиса Куркова стала организатором этого служения. Сестры и братья начали посещать детей в больнице: общались с ними, гуляли и играли.

В настоящее время в больницу к малышам ходит только одна сестра, но делает это каждый день. Это Татьяна Волкова.

Не так давно для сирот открылся Дом ребенка в Сокольниках. Большая часть добровольных помощников ходит теперь туда.

Добрые отношения с администрацией Дома ребенка создали благоприятную почву для сотрудничества. Братья и сестры устраивали там субботники, участвовали в приобретении оборудования для кухни, логопедического кабинета... Да мало ли за это время было совершено добрых дел и преодолено сложностей.

В маленькой заметке трудно рассказать обо всех, кто участвовал и участвует сейчас в этом служении.

Дорогие братья и сестры, помяните в ваших молитвах ВИЧ-инфицированных детей-сирот и их добровольных помощников из нашего содружества.

Елена МАКЕЕВА

Свято-Сергиевское братство

(начало на стр. 11)

душном пространстве, и происходящее в обществе немедленно отражается и в ее жизни. В обществе таит любовь, счастливая семья становится исключением, дети, почитающие родителей, – редкостью, то же происходит и в церкви. Любовь оскудевает и в христианских семьях, и в приходах, в общинах: представить себе, например, чтобы приход любил своего батюшку не как отданную ему в распоряжение вещь под названием «жилетка», в которую можно плакаться сутками, а как такого же, как они, человека (возможно, более доброго, сильного, духовного), кажется, просто невысказано. Общество все больше подпадает под власть денег, вот и священству приходится овладевать основами менеджмента и коммерции – часто в ущерб своему пастырскому призванию.

– Что ж, можно только согласиться с тем, что корень всех церковных бед – оскудение любви. Согласие в этом главным – залог взаимопонимания между всеми нами, кем бы мы ни являлись в церкви: священниками или «мирянами», консерваторами или новаторами и т.д. Писателями или читателями, к слову, тоже... А видите ли Вы какие-то выходы из сложившейся ситуации?

– Выход из всех болезней простой – отправиться к врачу, мужественно выслушать диагноз, пропить назначенный курс. Перевести эту ситуацию на язык церковных понятий совсем не сложно, причем врачам не мешает сходить на прием друг к другу или к самим себе, в соответствии с призывом «Врачу, исцелися сам!». Важно, чтобы каждый лично совершил этот шаг – начал исцеляться от собственных болезней, не церковь, не священников пытался лечить от их недугов, а себя – от своих. Только так выздоровеет и все тело.

– «Патерика-2» не планируете?

– Хорошенького понемножку. Очень хочу отдохнуть от церковной темы, проблем, но удастся ли – не знаю. Ко мне же теперь многие стали подходить и рассказывать – а вот тебе еще, для твоего «Патерика», отличная история! Только записывай. Так что иногда все-таки что-то по-прежнему записываю. И чувствую: кажется, я здорово влипла, когда готов увяз. Но ведь церковь – это, хотя и лучшая часть, однако, только часть дарованного нам мира, существует еще столько всего на белом свете: музыка, деревья, горы, пустыни, картины прекрасные, науки, живущие на других концах земли прекрасные люди, младенцы, которые ничего о православии не знают, но которые любимы не меньше, чем мы – в общем мир так разнообразен и так велик! Успеть бы и это тоже увидеть по-настоящему, об этом тоже написать. Спасибо Вам за эту встречу.

– И Вам спасибо за интервью.

Беседовал Дмитрий МАТВЕЕВ

МАСТЕР

Сказка Майи Кучерской

Жил на свете православных дел мастер. Жил не тужил, потому что дела у него не переводилось. Клиентурой в основном были женщины. Приезжали они в его далекую мастерскую, скромную избушку в подмосковной деревеньке, со всех концов русской земли и просили только об одном:

– Сделай ты меня, мил-человек, православной. Только не переборщи. Чтобы все было в самый раз и тютелька в тютельку.

– А вот об этом, матушка, беспокоиться не извольте, комар носа не подточит, – вежливо отвечал

мастер и, надев черный кожаный фартук, принимался за работу. Работал он быстро, споро, укладывался в несколько часов.

Начинал всегда с голоса, вставлял клиентке железное горло, и говорить она начинала с той поры тихим, будто навеки сорванным голосом, но на самом деле не сорванным, а смиренным. Потом брался за глаза – капал в них пипеткой специальную смесь-поволоку, особой напускал такой дымки, легкой-легкой, так что глаза у женщин навсегда становились печальными и глядящими будто бы с некоторым тайным укором, а при особой просьбе – несколько вкось. Но не укор и это был и не косина, а осознание собственной греховности. Дальше брался мастер за губы. Делал в краешки губ по укольчику и улыбаться с тех пор женщины уже не могли. Христос ведь никогда не смеялся. Скорее всего, и не

улыбался тоже, значит, таковыми же должны были стать и его ученицы. Так мастер комментировал свои деяния.

Следующим был цвет лица – специальный зеленый крем, настоящий на полезных травах, не вытравимый долгие годы, делал лицо землистым, в чем и содержался намек на возможное тайное подвижничество. Дальше мастер брался за походку и осанку, и после краткого сеанса массажа походка у клиентки делалась неторопливой, слегка шаркающей, а голова опускалась, так что отныне печальные с поволокой-укором глаза не только косили, но и смотрели исключительно долу. Дело оставалось за малым, каждой своей клиентке мастер вручал на прощанье особый платочек, стоило его повязать на голову или даже на шею, как любая одежда смотрелась на тебе мешковато и сиром. Вот собственно и все. Клиентки расплачивались с мастером кто как мог, но обычно весьма щедро, сельские вечно везли что-то со своих огородов и из-под кур, столичные штучки (а их было большинство) к гонорару прилагали дорогие коньяки или виски. В общем мастер не бедствовал, а клиентки отправлялись домой счастливые тихим православным счастьем.

На женщинах православных дел мастер неплохо набил руку, и как-то к ним привык. Поэтому когда к нему приходили мужчины, немного терпелся, хотя виду, конечно, не подавал. Также брался за молоток, гвозди, крема. И все же мужчины у мастера получались похуже, с какой-то невытравимой вечной женственностью в очах и облике, с длинными волосами, блуждающим взором, слабой волей, иногда выскакивало заикание. Может, пугал он порошки, или халтуру, и для мужчин использовал женские средства? Неизвестно. Однако болезненный вид, шаркающая походка, мрачный блуждающий взор – все это оставалось и при мужчинах. Многие для цельности облика отрачивали длинные волосы и завязывали их в хвостик.

Иногда приводили к мастеру и детишек. Но дети поддавались обработке совсем уж плохо, просто делались после сеанса дерганными и бледными, а некоторые не поддавались вообще, так что мастер запретил приводить детей к себе. И они дожидались мам в коридорчике.

– Ну, а сердце, сердце, – спрашивали мастера особо продвинутые. – Главное-то не внешний, а внутренний человек. Сердце православным сделать может?

– Сердце, – отвечал честный мастер, – поменять не могу. А то бы давно уже на земле наступило Царство Божие. А это в замысел Господень никак не входит.

На досуге он любил полистать Откровение Иоанна Богослова, особенно под рюмочку виски – хорошо снимало напряжение.

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «УМСА-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Тверь: 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.